ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 24 (2407) | Среда, 24 марта 1948 г. | Цена 40 коп.

На передовые позиции!

Мы публикуем сегодня статью украинского писателя Любомира Дмитерко «Перед наступлением» — взволнованный отклик на встречу тов. Н. С. Хрущева с писателями, художниками и композиторами города Киева, состоявшуюся на-днях в ЦК КП(б)У. В своем обстоятельном, изобиловавшем замечательными примерами и фактами выступлении товарищ Хрущев призывал художественную интеллигенцию Советской Украины широким фронтом выйти на передовые позиции борьбы за урожай 1948 года, вмешаться в ход весеннего наступления на полях Родины — стихами и песнями, газетными выступлениями и книгами, в которых подлинный герой наших дней — человек трудового подвига — был бы, наконец, не только назван, а показан воочию.

Нигде в мире, кроме нашей страны, нет такой тесной связи между искусством и народом. Только у нас может состояться такая деловая и в то же время глубоко романтическая по своему содержанию встреча государственного деятеля с мастерами искусства.

Много лет назад в своей речи на I Всесоюзном с'езде советских писателей А. А. Жданов говорил: «Наша партия всегда была сильна тем, что она соединяла и соединяет сугубую деловитость и практичность с широкой перспективой, с постоянным устремлением вперед, с борьбой за построение коммунистического общества. **Советская литература должна уметь показать наших героев, должна уметь заглянуть в наше завтра. Это не будет утопией, ибо наше завтра подготовляется планомерной сознательной работой уже сегодня».**

Наша советская литература создавалась на переднем крае борьбы народа за социалистический строй жизни. Перелистайте книги «Библиотеки избранных произведений советской литературы»—вы не найдете там ни одной, которая была бы плодом трудов одинокого художника, — пусть талантливого, но оторванного от жизни. Наши лучшие книги рождались в железном потоке таманской армии, в партизанских отрядах дальневосточной тайги, у костров чапаевских бивуаков, на новостройках сталинских пятилеток, на колхозных полях и на полях сражений Великой Отечественной войны. Чем драматичнее была борьба нового со старым, нарождающегося с отмирающим, тем более оптимистична была наша литература, потому что ее оптимизм — в самом духе нашей борьбы, в самой атмосфере преодоления черных сил, пытающихся противостоять победному шествию коммунизма.

Чем ближе к жизни советский писатель, — не как праздный путешественник и сторонний наблюдатель, но как участник жизни, ее непосредственный созидатель,— тем правдивее и талантливее его произведение. В этом находит свое об'яснение и особое качество нашей послевоенной литературы, все более приобретающей силу правдивого документа великой жизни советского народа.

В призыве товарища Хрущева, обращенном к художественной интеллигенции Украины, властно звучит требование времени. Третий, решающий год послевоенной пятилетки должен мобилизовать советских писателей — их волю, их труд и способности.

Народ ждет ярких и увлекательных книг о своих лучших людях — о Героях Социалистического Труда.

Читатели горячо приветствуют также и появление маленьких, но дорогих нам и важных брошюр и книг самих стахановцев, мастеров индустрии и сельского хозяйства, открывающих для всех свой передовой опыт. Долг писателей — помочь стахановцам в работе над их книгами.

Есть и еще одна активная форма вмешательства писателя в жизнь — газета! Практика бригад, направленных Союзом советских писателей и «Литературной газетой» на предприятия бумажной промышленности, наглядно показывает, какую пользу может принести вмешательство писателя в жизнь — и для непосредственного роста продукции заводов и фабрик и для не менее ощутимого роста идейно-художественного сознания самих писателей.

Именно там, на заводах, на колхозных полях, можно увидеть, как создаются социалистические отношения между людьми, можно наблюдать новую силу истории — волю и разум советского народа, там, в атмосфере социалистического соревнования, можно найти такое изобилие человеческих талантов, такое многообразие индивидуальностей, о каком могли только мечтать великие писатели-реалисты прошлого.

Оперативное участие писателя в жизни помогает созданию высокохудожественных идейных произведений. Материал действительности, яркие жизненные впечатления откладываются в сознании художника, творчески перерабатываются и, — пусть не сразу, а в течение длительного периода времени, — кристаллизуются в синтетических образах. Оперативное вмешательство в жизнь вовсе не требует торопливого писания: наоборот, чем богаче материал наблюдений писателя, тем больше времени требует глубокая художественная обработка этого материала.

Так сливаются воедино две стороны одного дела: конкретное и оперативное вмешательство писателей в борьбу советских людей за выполнение пятилетнего плана в четыре года и обогащение советской литературы идеями и чувствами, сюжетами и героями нашей воинствующей, неповторимо прекрасной действительности.

С каждым годом растет во всем мире благородное влияние идей и образов советского искусства. Сила этого влияния — в неразрывной связи с жизнью нашего народа. В дальнейшем укреплении этой связи — основа большого искусства Социализма.

Любомир ДМИТЕРКО

ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Над Киевом еще проносятся свирепые мартовские метели, а в степях Черноморья уже началось весеннее наступление. Первые звенья, неутомимые разведчики великой и могучей армии украинского колхозного крестьянства, вышли на поля. Украина вступает в борьбу за сталинский урожай 1948 года.

Фундамент будущей победы закладывался еще осенью прошлого года, дружные всходы озимых — это не дар природы, это результат упорного труда людей.

Мы пережили засуху 1946 года. Такой засухи не было за последние пятьдесят лет. Такой засухи еще ни разу не было в нынешнем двадцатом веке. Случись она в любой другой стране, она отбросила бы сельское хозяйство на несколько лет назад. А ведь 1946 год был к тому же первым послевоенным годом! Благодаря колхозному строю, Украина в следующем, 1947 году не только не уменьшила, но, наоборот, расширила посевную площадь на один миллион гектаров. В настоящем году статистики смогут зафиксировать расширение площади посевов на Украине еще на три миллиона гектаров.

С большим напряжением работали украинские трактористы до войны. Но вот весной прошлого года работало 64 проц. тракторов по сравнению с довоенным парком, и выполнили они работу не на 64 проц., а на 77 проц. довоенного об'ема.

Теперь перед трактористами стоит важная задача: полностью перейти на пахоту плугами с предплужниками. На Украине уже немало трактористов, показывающих образцы такой работы. Лучшим примером могут служить Прасковья Ангелина и ее ученики.

Много интересных вопросов, задач, проблем стоит перед колхозным крестьянством Украины, перед партийными, советскими работниками и культурно-просветительными учреждениями республики. О них ярко говорил Н. С. Хрущев на состоявшейся на-днях в ЦК КП(б))У встрече с писателями, художниками и композиторами города Киева.

Выступление тов. Хрущева было насыщено цифрами, фактами, разительными примерами и сравнениями.

Долго длилась эта беседа о славной украинской земле, о ее золотых людях, взращенных и воспитанных партией Ленина—Сталина.

Прежде всего о наших замечательных советских людях.

О чем бы ни говорил тов. Хрущев — о зерне или о свекле, о кукурузе или о животноводстве, — в его словах звучала гордость за людей украинского колхозного села, вера в них, твердая, непоколебимая вера!

Вот зачинатель колхозного движения на Украине Федор Дубковецкий. Двадцать пять лет существует колхоз «Здобуток Жовтня» («Завоевание Октября»), и двадцать пять лет председательствует в нем Федор Иванович — изумительный хозяин, чуткий человек, отличный знаток своего дела, еще на заре колхозного движения сумевший сколотить молодой, но крепкий актив. В лихолетье войны Федор Иванович эвакуировал часть колхозного добра, и после войны колхоз быстро встал на ноги. В 1947 году «Здобуток Жовтня» собрал в среднем с гектара по 17,6 центнера зерновых и по 394 центнера свеклы. Это в среднем!

Осенью 1943 года наши войска освободили город Переяслав над Днепром, впоследствии переименованный в Переяслав-Хмельницкий. С приднепровских лугов пришла старая, измученная преследованиями женщина и назвалась Оленой Хобтой. Имя ее было известно и до войны. Немцы искали ее, хотели заставить работать на оккупантов. В последние месяцы перед нашим наступлением Хобта пряталась в днепровских камышах. Сегодня о ней с любовью и восхищением говорил руководитель большевиков Украины.

В разграбленном немцами родном колхозе Хобта начала разводить цыплят и вместе с другими активистками создала колхозную птицеферму. По примеру Озерного и Пармузиной она вступила в борьбу за высокие урожаи кукурузы и кок-сагыза. Ее результат: 75 центнеров кукурузы, 80 центнеров кок-сагыза, 25 центнеров ячменя с гектара.

С теплым юмором рассказывает Н. С. Хрущев, как 65-летняя Хобта, ныне Герой Социалистического Труда, буквально преследовала мастера высоких урожаев Марка Озерного, желая получить у него семена выведенных им сортов кукурузы.

Кукуруза Марка Озерного часто превращается в своеобразное «яблоко раздора». Во время последнего республиканского совещания передовиков сельского хозяйства Озерный явился на совещание и преподнес тов. Хрущеву два початка кукурузы колоссальной величины. Федор Дубковецкий, увидев их, заерзал на месте. Ему, видимо, хотелось получить на семена хотя бы один кочан. По такое желание выразила и молодая звеньевая, впервые участвующая в республиканском совещании. Никита Сергеевич отдал ей оба кочана.

— А Дубковецкий...тот себе достанет,— улыбаясь, сказал товарищ Хрущев.

Тов. Хрущев говорит также и о тех, кто, прикрываясь званием колхозника, работает плохо, срывает выполнение планов. Он приводит разительные примеры. В Полтавской области в одном и том же Глобинском районе имеется два колхоза: имени товарища Сталина и «Нове життя» («Новая жизнь»). В 1947 году площадь засева кукурузы в колхозе имени Сталина составляла 60 гектаров, в колхозе «Нове життя» — 95 гектаров. Но урожай в первом колхозе был намного больше, чем во втором. Это и неудивительно, потому что в колхозе имени Сталина нет колхозников, не выполнивших минимум трудодней, а в колхозе «Нове життя» их слишком много. Агротехнические мероприятия и необходимые работы сталинцы провели во-время и в нужных размерах. Этого не сделали колхозники из колхоза «Нове життя» и получили неизмеримо меньше на трудодень, потеряв за год такое количество кукурузы, которым можно было откормить 420 голов свиней весом один центнер каждая. Сколько же сала, колбас и кожи пропало только в одном колхозе!

Второй пример: два соседних колхоза в Смелянском районе Киевской области — «Серп и молот» и им. Кирова. В первом колхозе под просо засеяли 52 гектара, во втором — 89 гектаров. В первом колхозе 389 членов, а во втором — 488. Но в первом колхозе не выработало минимума трудодней всего 35 человек, то-есть 9 процентов, а во втором — значительно больше. Первый колхоз во-время и хорошо осуществил необходимые работы, второй работал плохо. Результат: в «Серпе и молоте» урожай 26,8 центнера проса с гектара, у кировцев — 5 центнеров. Каждый колхозник получил на трудодень: в колхозе «Серп и молот» 2,7 килограмма зерна и 7 руб. 17 коп. деньгами, а в колхозе имени Кирова — 0,5 килограмма зерна.

Есть еще на селе лодыри, спекулянты. По ним надо открыть беспощадный огонь в первую очередь нашим публицистам, сатирикам, юмористам.

До неузнаваемости изменился облик украинского села, изменилась судьба крестьянина. Инвалиды, вдовы, сироты в старом, доколхозном селе были в тягость близким, родным, обществу. Теперь инвалиды работают в колхозах, приносят пользу обществу. Среди них есть награжденные и Герои Социалистического Труда. Не знает колхозное село ни горькой вдовьей судьбы, ни браков по расчету, ни экономической зависимости женщины.

А каким станет колхозное село в скором будущем!

Необходимо покончить с ограниченными горизонтами некоторых работников, считающих, что нужно восстанавливать только села, разрушенные немцами, а в уцелевших селах, мол, строить нечего.—Неверно!—говорит товарищ Хрущев. — Каждый колхоз в течение года легко может построить в среднем десять новых домов, светлых и солнечных. Дома эти нужно давать передовым людям колхоза, а также тем, кто женится, на выплату. В маленьких селах нельзя иметь всех тех удобств и культурных услуг, которыми пользуется город. Поэтому мы за большие села-города. В таких крупных селениях протяжение пути к полям значительное. Покрывать такое расстояние ежедневно утром и вечером нельзя — лишний расход времени, горючего, человеческой энергии. Для этого необходимо, чтобы были созданы благоустроенные полевые станы, обеспечивающие нормальную жизнь колхозникам во время летних полевых работ.

Колхозная Украина развернутым фронтом наступает на новые земли. Массивы песков на юге республики покрываются садами, лесами. Рисовые плантации возникают в знаменитых днепровских плавнях, известных нам из истории Запорожской Сечи. На Украине растут не только рис, но и хлопок, кок-сагыз и другие ценные технические культуры. Украинская колхозница Агриппина Пармузина дает с гектара земли 160 центнеров кок-сагыза. Труды Пармузиной и многих других новаторов сельского хозяйства свидетельствуют о том, что мы стоим на пути к полному освобождению от импорта натурального каучука.

Рассказ тов. Н. С. Хрущева об ирпеньской пойме звучит, как увлекательная сказка. Но эта сказка — быль. Ее создали мечтатели. Не праздные мечтатели, беспомощные в соприкосновении с реальной действительностью, а мечтатели-творцы, преобразователи жизни. Большевики.

Недалеко от Киева в Днепр впадает речка Ирпень. В течение веков она создала пойму с заливными лугами и непроходимыми болотами площадью от 8 до 10 тысяч гектаров. Осока, татар-зелье да миллиардные тучи комаров.

Здесь будет расти картофель, десятки видов овощей, возникнут фабрики по переработке овощей. Огороды и полевые участки не будут зависеть от капризов погоды. Будет проведена система искусственных орошений. Ирпеньская пойма полностью обеспечит овощами и в большой степени молоком и мясом столицу Советской Украины с ее многосоттысячным населением.

В прошлом году впервые на ирпеньской пойме в колхозах начались большие работы. Здесь уже появились подлинные энтузиасты освоения бросовых земель, среди которых выделяется звеньевая Варвара Карпенко. Осенью 1947 года был подведен первый итог труда. Звено Варвары Карпенко собрало 410 центнеров картофеля с гектара. Колхозница с гордостью показывала всем картофелину весом в 1,4 кг. Среди других специалистов в районе ирпеньской поймы работает и молодой советский агроном, зачинательница движения пятисотниц на Украине Мария Демченко.

Изложенное выше — только отдельные штрихи грандиозных преобразовательных работ, ведущихся на Украине в колхозном селе.

Тов. Хрущев обращается к участникам встречи.

— Назовите мне книгу украинского писателя, выпущенную за последнее время, в которой ярко и убедительно были бы показаны процессы, происходящие сейчас на селе?

В зале молчание.

— А раз так, — продолжает тов. Хрущев, — раз таких книг еще нет, то у нас к вам большая просьба — напишите такие книги.

— Колхозникам нужны стихи, частушки, песни, агитплакаты, юморески. Их можно и нужно создать как можно быстрее,— говорит товарищ Хрущев и тут же предостерегает: — Беда многих наших писателей заключается в том, что они пытаются быстро создавать романы и повести, пьесы и поэмы, требующие глубокого знания жизни и упорного, кропотливого труда.

— Покажите героя, — говорит он, — да не говорите нам, что он герой. Опишите его так, чтобы мы сами узнали в нем подлинного героя наших дней.

Я пишу эти строки сразу же после встречи, взволнованный всем услышанным. Я почти не заглядываю в блокнот, пишу по памяти. Я вспоминаю лица своих товарищей по труду, их воодушевленные разговоры после встречи. Одно чувство, одна мысль владеет нами— об активном вмешательстве в жизнь. Мы должны написать книги о цветущей колхозной Украине, о человеке-гуманисте, преобразователе природы.

Для того чтобы написать такие книги, советские писатели должны выйти навстречу весне, в бой за урожай вместе со своими героями. Мы знаем походную жизнь. Нам к ней не привыкать. В годы войны мы сражались за то, чтобы строить и творить на нашей прекрасной земле. Поля зовут нас. Нас ожидает почетный труд сеятелей. Как бы это ни понимать — в прямом или переносном смысле, — наше место там, на переднем крае весеннего наступления.

ОТКРЫЛОСЬ ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Вчера в Москве открылось Всероссийское совещание библиотечных работников.

В Краснознаменном зале Центрального Дома Красной Армии имени М. В. Фрунзе собралось свыше пятисот делегатов из различных районов Российской Федерации. В числе многочисленных гостей присутствуют представители библиотек Украинской, Белорусской, Узбекской, Грузинской, Литовской, Латвийской, Армянской и других союзных республик, а также представители культурно-просветительных учреждений и писательской общественности Москвы.

В работе совещания принимают участие заместитель председателя Совета Министров РСФСР И. П. Далматов, заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Л. Ф. Ильичев, секретарь ЦК ВЛКСМ Н. М. Михайлов.

Председатель Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР Т. М. Зуева выступила с большим докладом о состоянии и задачах библиотечной работы в РСФСР. Директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина В. Г. Олишев сделал содоклад о роли рекомендательной библиографии в руководстве чтением и самообразовании.

По докладам развернулись оживленные прения.

Сегодня совещание продолжает свою работу.

Привет лучшим друзьям книги!

Первым друзьям книги, настойчивым и вдумчивым пропагандистам коммунистического мировоззрения, энтузиастам социалистической культуры, советским библиотекарям — наш горячий привет!

Писатели советской страны вместе со всем народом хорошо знают и высоко ценят самоотверженный труд большого отряда нашей интеллигенции — библиотечных работников, приобщающих молодежь к культуре и воспитывающих в читательских массах ту творческую, действенную любовь к книге, которая отличала и отличает лучших людей человечества — Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Радостно сознавать, что сегодня в нашей Москве, столице Советского Союза, гостят и работают, обмениваются своим бесконечно разнообразным творческим опытом дорогие нам люди, которых с любовью проводили в путь из сотен городов и сел их преданные друзья — благодарные советские читатели, самые лучшие читатели в мире!

От всего сердца желаем вам, дорогие товарищи библиотекари, плодотворной работы и ощутимых успехов в деле коммунистического воспитания народных масс!

А. ФАДЕЕВ, К. СИМОНОВ, Н. ТИХОНОВ, Вс. ВИШНЕВСКИЙ, Б. ГОРБАТОВ, А. СОФРОНОВ, Г. БЕРЕЗКО, Н. ВИРТА, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, А. ЖАРОВ, Вс. ИВАНОВ, А. ИГНАТЬЕВ, Л. ЛЕОНОВ, В. ЛИДИН, С. МАРШАК, А. ПЕРВЕНЦЕВ, Н. ПОГОДИН, М. ПРИШВИН, Л. СЕЙФУЛЛИНА, А. СЕРАФИМОВИЧ, С. ЩИПАЧЕВ, И. АНДРОНИКОВ.

Очаги коммунистической культуры

Свыше 500 делегатов приехало в Москву со всех концов страны на Всероссийское совещание библиотечных работников.

Корреспондент «Литературной газеты» обратился к некоторым делегатам с просьбой рассказать о деятельности библиотек.

Ниже мы печатаем высказывания участников совещания.

АКТИВ СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Семнадцать лет работает В. А. Шубина в Боровицкой сельской библиотеке Мурашинского района Кировской области. Она с гордостью рассказывает об активе библиотеки — учителях, колхозных счетоводах, медицинских работниках.

— Счетоводы колхозов руководят десятью библиотеками-передвижками, — говорит тов. Шубина.

— Сейчас у нас 3200 книг. Мы стремимся расширить круг читателей и часто читаем вслух книги, беседуем с колхозниками о прочитанном, устраиваем выставки сельскохозяйственной литературы, составляем библиографические обзоры и рекомендательные списки литературы.

— Наша библиотека своей пропагандистской деятельностью способствовала постройке электростанции в колхозе «Искра». Сейчас мы оказываем помощь колхозникам в подготовке к весеннему севу.

ОДНО ИЗ КРУПНЕЙШИХ КНИГОХРАНИЛИЩ СЕВЕРО-ВОСТОКА

«Мне хорошо знакома дорога в научный зал. Здесь я знакомлюсь с литературой различных народов и эпох. Здесь изучаю труды классиков марксизма-ленинизма. Они помогают мне разбираться в общественной жизни, которую я стремлюсь отображать в своих произведениях».

Такую запись оставил в книге отзывов Государственной научной библиотеки Якутска писатель Амма Аччыгыйа — автор романа «Весенняя пора», переводчик на родной язык романа Л. Толстого «Анна Каренина».

— Книгохранилище, созданное в 1925 году, — говорит директор библиотеки В. М. Тимофеев, — насчитывает сейчас более 600 тысяч книг на русском, якутском и других языках народов СССР, а также на английском, французском, немецком, испанском, итальянском. Это одно из крупнейших книгохранилищ северо-востока СССР.

До революции грамотность коренного якутского населения исчислялась ничтожной цифрой — 0,7 процента, а сейчас Якутская АССР — республика сплошной грамотности. Количество массовых библиотек возросло с трех до 73. Мы устроили в 1947 году 148 книжных выставок. Подготовлено к печати несколько научно-библиографических работ. Наша библиотека награждена недавно почетной грамотой Верховного Совета республики.

В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

Ахты — один из высокогорных аулов Дагестана. Заведующий Ахтынской районной библиотекой Шихрагим Идрисов, работающий в ней уже 13 лет, рассказывает:

— Наш район населен лезгинами. До революции у нас не было библиотек. Сейчас в нашей районной библиотеке насчитывается 6300 книг на русском, азербайджанском, лезгинском и других языках.

Лезгины читают на родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, художественную и научно-популярную литературу. С большим успехом прошли недавно читательские конференции и литературные вечера, посвященные А. С. Пушкину, Сулейману Стальскому, Гамзату Цадасе. В окрестных аулах созданы три передвижные библиотеки.

Счастье Жергалантуя

УЛАН-УДЭ. (Наш корр.). Далеко-далеко в Сибири, там, где когда-то «и в ночь, и средь белого дня» тайком пробирался к «священному морю Байкал» одинокий беглец-каторжанин, раскинулся ныне колхозный улус Жергалантуй.

Ни в одном атласе мира вы не найдете точки, отмечающей этот улус, затерявшийся среди глухих таежных лесов. Тысячи километров отделяют его от мировых центров, и много дней надо потратить, чтобы добраться до селенгинских просторов Жергалантуя.

Но почему о нем знают и в Москве и в Нью-Йорке, в Улан-Баторе и в Белграде? Что привлекло сюда маршала Чойболсана, приезжавшего в улус с делегацией Монгольской Народной Республики, бывшего вице-президента США Генри Уоллеса, посетившего Жергалантуй в 1944 году, и тысячи экскурсантов—рабочих, колхозников, студентов, школьников, направляющихся в знаменитый бурятский колхоз из разных уголков Бурят-Монгольской АССР?

Зайдите в колхозный музей Жергалантуя, внимательно осмотрите его экспонаты, наглядно отображающие прошлое и настоящее далекого бурятского улуса, и вы получите ответ на этот вопрос.

...Перед вами убогая деревянная посуда и ветхая одежда, допотопная соха — «аросонг» и деревянный плуг — «анзага». Их рукояти отполированы мозолистыми ладонями многих поколений земледельцев. Бытовая утварь и допотопные орудия изнурительного труда — немые свидетели безрадостной и полуголодной жизни обитателей старого бурятского улуса.

Но стоит лишь перейти в соседнюю комнату, и вы уже в ином мире. На фотографиях, рисунках и макетах — тот же улус, ставший теперь колхозом. Восемь тракторов обрабатывают его поля. С каждым годом увеличивается посевная площадь и растет урожай. В колхозе — мельница, маслозавод, водопровод. Телефонный коммутатор на 100 абонентов соединяет все общественные здания и многие дома колхозников.

По вечерам жители Жергалантуя собираются в своем колхозном клубе, зрительный зал которого рассчитан на шестьсот человек.

Колхозники сами создавали свой музей. Школьники сделали гербарий местных растений, собрали большие коллекции полезных ископаемых. В музее вы увидите более трехсот чучел медведя, белки, соболя, колонка и другого промыслового зверя — все это дары местных охотников. Среди экспонатов музея есть кости мамонта и ископаемого носорога.

В дни, когда фашистские захватчики вероломно напали на Советский Союз, молодежь Жергалантуя пошла на фронт защищать свою Родину. О воинских подвигах молодых бурятов свидетельствуют вырезки из фронтовых газет, немецкие автоматы, ножи и другое трофейное оружие. Те же, кто оставался в селе, самоотверженно трудились, помогая фронту. Тысячи пудов хлеба, шерсти, мяса и масла сдал колхоз в фонд обороны страны. И как драгоценная реликвия, хранится в военном отделе музея телеграмма товарища Сталина, в которой великий вождь, приветствуя колхозников, благодарит их за помощь Советской Армии.

Закончилась война, и к мирному труду вернулись жергалантуйцы. С каждым днем умножаются богатства артели, улучшается жизнь колхозников. Теперь они задумали построить для музея новое каменное здание. Мысль об этом подал один из первых его организаторов — парторг колхоза, депутат Верховного Совета Союза ССР Тогочи Данзанов. В небольшом помещении музею стало уже невозможно разместить все экспонаты, отображающие счастливую, зажиточную жизнь далекого бурятского улуса Жергалантуя.

Дружба науки и труда

Когда кончается учебный день и пустеют аудитории вуза, ученые расходятся по цехам Авторемонтного завода, расположенного по соседству с Московским автомеханическим институтом.

«Аремз» — отнюдь не отсталое предприятие, которое надо «вытаскивать» или «брать на буксир». План 1947 года он выполнил в октябре. Но научные сотрудники института пришли сюда для того, чтобы в тесном контакте с инженерами, техниками, стахановцами, рационализаторами еще выше поднять культуру производства, ускорить внедрение новейших технологических процессов, способствовать техническому прогрессу предприятия.

Двухмесячная совместная работа коллективов института и завода завершилась составлением сводного рационализаторского плана. Профессор М. Егоров, возглавляющий кафедру «Технология машиностроения», главный инженер завода А. Соболев и сотрудники технического отдела завода разрабатывают поточную технологию процесса изготовления поршней. Научные сотрудники кафедры «Автотранспортные двигатели» совершенствуют приемы испытаний отремонтированных двигателей. Работники кафедры «Инструментальное производство» вместе с начальником инструментального цеха инженером Н. Рекеда и начальником технического отдела завода инженером Н. Вахуркиным заняты улучшением конструкции и производства инструмента и общей рационализацией заводского инструментального хозяйства. По чертежам института началось изготовление некоторых приспособлений. Металловеды института—доценты Г. Николаев и М. Пятигорский вместе с заведующей заводской лабораторией Л. Ануровой создали хорошо оборудованную металлографическую лабораторию.

Работники института организуют на заводе курсы иностранных языков, проводят консультации для инженеров, желающих защищать диссертации на соискание ученой степени.

В цехах запестрели плакаты о научно-популярных и общественно-политических лекциях для рабочих и инженерно-технических работников. Лекционной пропагандой руководит доцент Б. Фалькевич.

— Каков же экономический результат содружества науки и труда?

Отвечая на этот вопрос корреспондента «Литературной газеты», инженер С. Краснов, возглавляющий бригаду ученых Автомеханического института, сказал:

— Мы надеемся, что в итоге совместной работы нам удастся повысить срок службы отремонтированного мотора примерно на 50 процентов. Это сэкономит народному хозяйству многие миллионы рублей.

Патриотическое движение по оказанию научно-технической помощи ученых предприятиям в выполнении пятилетки в четыре года началось по инициативе Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. Его примеру последовали уже более 30 вузов Москвы и 10 научно-исследовательских учреждений Академии наук СССР и министерств.

Движение развернулось не только в Москве и Ленинграде, но и по всему Советскому Союзу.

Об эффективности научно-технической помощи ученых производственникам свидетельствует, в частности, такой пример: благодаря творческому содружеству коллектива сотрудников Московского высшего технического училища им. Баумана с рабочими и инженерами Первого государственного подшипникового завода им. Л. М. Кагановича в цехе шариков производительность труда возросла втрое. Во столько же сократилась себестоимость продукции. Выпуск изделий увеличился в четыре раза, причем количество продукции особого класса точности повысилось в десятки раз.

К 100-летию со дня смерти В. Белинского

Казахстан чтит память великого русского критика

АЛМА-АТА. (Наш корр.). В Казахстане образован комитет по проведению 100-летия со дня смерти великого русского критика В. Г. Белинского. В составе комитета — ученые, писатели, литературоведы, руководящие партийные и советские работники.

Казахское государственное издательство выпускает однотомник произведений В. Г. Белинского об'емом в 35 печатных листов и сборник его статей в переводе на казахский язык.

Майские книги журнала «Эдебиет жэне искусство» и альманаха «Казахстан» посвящаются памяти великого критика. Готовятся к печати труды казахских литературоведов о Белинском. В. Малинковский заканчивает книгу «Эстетические взгляды Белинского», кандидат филологических наук Б. Шалабаев пишет работу «Проблемы критики и Белинский».

В апреле в Алма-Ата состоится республиканская конференция писателей, литературоведов и работников искусств, посвященная В. Г. Белинскому и современным проблемам литературной критики.

Большая выставка, отражающая жизнь и творчество великого критика, откроется в республиканской публичной библиотеке им. Пушкина. Выставки, посвященные литературно-общественной деятельности писателя, устраиваются также в Караганде, Чимкенте, Семипалатинске и Кзыл-Орде.

В открытых аудиториях, учебных заведениях, клубах и избах-читальнях состоятся литературные вечера памяти В. Г. Белинского.

В Казахском государственном университете и в Педагогическом институте учреждены две стипендии имени В. Г. Белинского.

Установлена дата погребения А. С. Грибоедова

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). До сих пор не была установлена точно дата погребения А. С. Грибоедова, могила которого находится, как известно, в Тбилиси. Недавно в архиве Министерства внутренних дел Грузинской ССР обнаружена «Книга записей Сионского собора», в которой точно указано время погребения великого русского писателя.

Запись гласит:

«Часть третья о умерших в 1829-м году Тифлисского кафедрального Успенского собора.. Число смерти — **генварь 30**. Кто именно помер и кем погребен — **министр его императорского величества Александр Сергеевич Грибоедов. Погребение отпевал его высокопреосвященство Иоанн экзарх Грузии с свитою.** Число погребения — **июль 18**. Кто какою болезнью помер — **убит персианами в Тегеране».**

Теперь можно считать окончательно установленным, что А. С. Грибоедов, злодейски убитый в Тегеране 30 января 1829 года, был похоронен в Тбилиси, в пантеоне Мтацминдской (святая гора) церкви 18 июля 1829 года.

К новому расцвету советской музыки

Вышел из печати сборник материалов, озаглавленный «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)». В нем опубликованы стенограммы речей, произнесенных на совещании в ЦК ВКП(б), где обсуждались вопросы состояния и развития советской музыки в связи с итогами общественного просмотра оперы В. Мурадели «Великая дружба».

Книга представляет огромный интерес для советской интеллигенции, для всех, кого волнуют судьбы советского искусства. Свыше 70 композиторов, дирижеров, музыкальных критиков, музыковедов были приглашены на совещание. В его работе приняли участие секретари ЦК ВКП(б) тт. А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, М. А. Суслов, Г. М. Попов. Товарищ Жданов в своих выступлениях дал глубокий анализ современного состояния советской музыки и наметил программу ее дальнейшего развития.

Открывая совещание, тов. А. А. Жданов во вступительной речи подверг резкой и всесторонней критике оперу В. Мурадели «Великая дружба» и деятельность Комитета по делам искусств, оказавшегося несостоятельным в деле руководства искусством. Он подчеркнул, что неудача оперы заключается в бедности ее музыкального содержания, в отсутствии мелодичности, в попытке заменить мелодию сумбурным набором крикливых звукосочетаний. Музыкальные пороки произведения соединяются с пороками драматургическими — искусственностью фабулы, исторически фальшивым освещением тех событий, которые легли в основу содержания оперы.

«Мы должны,—сказал тов. А. А. Жданов, — по всей справедливости оценить значение провала оперы Мурадели. Если опера является высшей, синтетической формой искусства, которая сочетает в себе достижения всех основных видов музыкального и вокального искусства, то неудача оперы, появившейся после многолетнего перерыва, означает серьезный провал советского музыкального искусства. Это не частный случай, и поэтому его нельзя свести к творческой неудаче Мурадели».

Тов. А. А. Жданов предложил деятелям советской музыки обсудить причины провала оперы и общее положение дел в области музыкального искусства. Он выразил сомнение в том, что известные решения Центрального Комитета по вопросам идеологии, приведшие к перестройке в литературе, кино, в работе драматургов и философов, нашли необходимый отклик в среде музыкантов.

Выступившие в прениях композиторы и музыкальные деятели подробно и горячо обсудили вопросы, поставленные тов. Ждановым, о причинах провала оперы «Великая дружба», о необходимости разоблачения формализма, развития реалистического направления в музыке, об усилении внимания к классическому наследию, о состоянии музыкального образования.

Большинство выступавших подвергли резкой критике положение дел в области музыкального творчества, разобрали ошибки композиторов формалистического толка, осудили нездоровую атмосферу, царившую в Оргкомитете Союза советских композиторов.

Т. Хренников остановился на недостатках нашей симфонической музыки и причинах слабости музыкальной критики. Фактически получилось так, что четыре-пять композиторов усердно пропагандировались филармониями и были совершенно выключены из сферы воздействия на них общественного мнения. «Они превратились в этаких музыкальных сановников, они совершенно были лишены той критической атмосферы, в которой должны выращиваться таланты даже самых крупнейших по дарованию людей... Ведь у каждого композитора бывают удачные сочинения, бывают неудачные. Но сочинения этих композиторов-сановников, все без разбора, оценивались раболепствующей критикой нашей как сочинения по меньшей мере гениальные. Все их недостатки, неудачи, ошибки не замечались критикой, и молодые композиторы следовали слепо за этими корифеями, часто возводя в догму их ошибки и недостатки». Это и привело, по мнению Т. Хренникова, к упадку нашей симфонической музыки. «Народ потерял доверие к композиторам большого симфонического жанра. Если раньше первые исполнения музыкальных произведений посещались из любопытства, то сейчас любопытных становится все меньше и меньше».

Многие ораторы пытались вскрыть причины появления музыкальных произведений, чуждых народу, не отвечающих его вкусам и требованиям. Одна из таких причин, по мнению В. Захарова, состоит в том, что композиторы отгородились от народного творчества, пренебрежительно относятся к народной песне, не желая «спускаться» до нее. «По-моему, наоборот, — говорит В. Захаров, — этим композиторам нужно было бы дотянуться до народной песни. Композиторы убеждены, что они понимают русскую народную песню или имеют правильное представление о ней, а я должен сказать, что они не знают и не хотят знать народную песню... С песней нужно знакомиться таким образом, чтобы знать, как ее поет народ, надо прочитать много книг, нужно знать, когда люди ее сочинили, кто сочинил, какие чувства вкладывались в песню и так далее. Если бы эти наши композиторы снизошли, спустились с Олимпа на грешную землю, если бы ставили вопрос так: что же я, композитор, должен дать сейчас стране, когда идет борьба за пятилетку? Чем я могу помочь в этой пятилетке? Тогда было бы другое дело».

О необходимости решительного преодоления недостатков в нашей симфонической и оперной музыке говорили тт. А. Гольденвейзер, Ю. Шапорин, К. Держинская, Е. Катульская, В. Городинский, И. Нестьев, М. Гнесин и другие музыкальные деятели. Проф. А. Гольденвейзер напомнил о том, что традиции великой русской музыки обязывают советских композиторов внимательно и чутко относиться к музыкальному творчеству народа. «Музыкальное искусство родилось из народной песни и танца. Величайшие композиторы всех времен черпали из этого источника... В произведениях русских композиторов песенное начало, напевность были всегда их основой. В музыке Глинки, Бородина, Римского-Корсакова, Мусоргского, Чайковского пела душа народа, их музыка была результатом — по слову Пушкина — их «лирического волнения».

Советские музыканты обладают богатейшим музыкальным наследством, которое надо ценить, изучать и разрабатывать. Об этом говорил в своем выступлении Ю. Шапорин: «Мне кажется странным и диким, что в то время, когда русская музыкальная культура влияет на иностранную, когда на основе русской музыкальной культуры создаются даже целые школы, когда в последнее время доказано большое влияние Глинки на скандинавскую музыку, некоторые наши критики недостаточно ценят наше музыкальное наследство».

Вопрос о недостатках музыкального образования, о недопустимом положении в консерваториях, где руководящую роль играют деятели, примыкающие к формалистическому направлению, затронули в своих речах тт. Т. Ливанова, П. Серебряков и другие.

Не удовлетворили собравшихся выступления композиторов, представляющих формалистическое, антинародное направление в музыке. Д. Шостакович, А. Хачатурян, В. Шебалин, В. Мурадели не сумели правильно и самокритично оценить допущенные ими ошибки и наметить пути к их преодолению.

На заключительном заседании тов. А. А. Жданов произнес большую речь, в которой подвел итоги совещания по вопросам музыки и поставил вопросы, имеющие важнейшее значение для развития советского искусства в целом. Тов. Жданов подчеркнул, что глубоко ошибаются те, кто полагает, что нет поводов говорить о борьбе направлений в музыке, что никакой ревизии основ классической музыки якобы не производится и что, следовательно, не о чем спорить. «Поскольку такого рода маскировка имела место, на вопросе о борьбе двух направлений следует остановиться подробнее».

«... Действительно, мы имеем очень острую, хотя внешне и прикрытую борьбу двух направлений в советской музыке. Одно направление представляет здоровое, прогрессивное начало в советской музыке, основывающееся на признании огромной роли классического наследства и, в частности, традиций русской музыкальной школы, на сочетании высокой идейности и содержательности музыки, ее правдивости и реалистичности, глубокой, органической связи с народом, его музыкальным, песенным творчеством, в сочетании с высоким профессиональным мастерством. Другое направление выражает чуждый советскому искусству формализм, отказ под флагом мнимого новаторства от классического наследства, отказ от народности музыки, от служения народу в угоду обслуживания сугубо индивидуалистических переживаний небольшой группы избранных эстетов.

Это направление осуществляет замену естественной, красивой, человеческой музыки музыкой фальшивой, вульгарной, зачастую просто патологической. При этом особенностью второго направления является то, что оно избегает фронтальных атак, предпочитая скрывать свою ревизионистскую деятельность под маской якобы согласия с основными положениями социалистического реализма».

Товарищ Жданов разоблачает подлинную сущность формалистического искусства, оторванного от народной почвы, чуждого традициям классиков и наносящего явный вред развитию советской музыки. «Как бы ни клялись вышеупомянутые композиторы, что они стоят обеими ногами на почве классического наследства, нельзя ничем доказать, что сторонники формалистической школы продолжают и развивают традиции классической музыки. Любой слушатель скажет, что произведения советских композиторов формалистического толка в корне не похожи на классическую музыку. Для классической музыки характерны правдивость и реализм, умение достигать единства блестящей художественной формы и глубокого содержания, сочетать высочайшее мастерство с простотой и доступностью. Классической музыке вообще, русской классической музыке в особенности, чужды формализм и грубый натурализм. Для нее характерны высокая идейность, основанная на признании истоков классической музыки в музыкальном творчестве народов, глубокое уважение и любовь к народу, его музыке и песне».

Критикуя пагубную для развития советской музыки ориентацию известной части композиторов на современную буржуазную музыку, проникнутую упадочными настроениями, тов. А. А. Жданов дает глубокий анализ подлинного интернационализма в искусстве. «Если исследовать историю нашей русской, а затем советской музыки, то следует сделать вывод, что она выросла, развивалась и превратилась в могучую силу именно потому, что ей удалось встать на собственные ноги и найти свои собственные пути развития, давшие возможность раскрыть богатства внутреннего мира нашего народа. Глубоко ошибаются те, кто считает, что расцвет национальной музыки, как русской, так равно и музыки советских народов, входящих в состав Советского Союза, означает какое-то умаление интернационализма в искусстве. Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину — означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами. Оценить богатство музыки других народов может только тот народ, который имеет свою высоко развитую музыкальную культуру. Нельзя быть интернационалистом в музыке, как и во всем, не будучи подлинным патриотом своей Родины».

Эти мысли товарища Жданова имеют прямое отношение и к литературе, к науке о литературе, где еще не изжиты до конца элементы раболепия перед буржуазной культурой. Недооценка национальной самобытности русской литературы, ее мирового значения приводит к космополитизму, к потере чувства национальной гордости.

Столь же важны и плодотворны для развития советской литературы и высказывания тов. А. А. Жданова о новаторстве подлинном и мнимом. «... Новаторство, — указывает тов. Жданов, — не является самоцелью; новое должно быть лучше старого, иначе оно не имеет смысла... Ведь нельзя же назвать новаторством всякое оригинальничание, всякое кривляние и вихляние в музыке... А «новаторство» формалистов, к тому же, вовсе и не ново, поскольку от этого «нового» отдает духом современной упадочнической буржуазной музыки Европы и Америки».

Большое значение для творческой практики деятелей советского искусства имеют мысли тов. Жданова о традициях и эпигонстве, об отставании музыкальной критики, о натуралистических извращениях, о роли программной музыки. «Совершенно очевидно, что программной музыки стало меньше или ее почти совсем нет. Дело дошло до того, что содержание выпущенного в свет музыкального произведения приходится об'яснять уже после появления его на свет. Народилась целая новая профессия — истолкователей музыкальных произведений из среды приятелей-критиков, которые стараются по личным догадкам расшифровывать задним числом содержание уже обнародованных музыкальных произведений, темный смысл которых, как говорят, бывает не совсем ясен даже для их авторов. Забвение программной музыки есть тоже отход от прогрессивных традиций».

Призывая композиторов учиться у классиков русской музыки, черпая в их наследии все лучшее, необходимое для дальнейшего развития советского искусства, тов. А. А. Жданов говорит о необходимости повышения профессионального мастерства, об умении сочетать простоту и доступность с высокой художественностью. Формалистическое направление опасно для советской музыки, ибо оно представляет собой геростратову попытку разрушить храм искусства, созданный великими мастерами музыкальной культуры. И в заключительной части своего выступления тов. Жданов призывает всех, кто дорожит званием советского композитора, повернуться лицом к своему народу, доказать свою способность служить народу, отдавая себе отчет в том, что «наша партия, выражая интересы нашего государства, нашего народа, будет поддерживать только здоровое, прогрессивное направление в музыке, направление советского социалистического реализма».

Две важнейшие задачи стоят перед советскими композиторами. Главная задача— развивать и совершенствовать советскую музыку. Другая задача состоит в том, чтобы отстаивать советскую музыку от проникновения в нее элементов буржуазного распада. Тов. Жданов высказывает мысль, имеющую огромное значение для всех работников советского искусства, литературы и культуры:

«Не надо забывать, что СССР является сейчас подлинным хранителем общечеловеческой музыкальной культуры так же, как он во всех других отношениях является оплотом человеческой цивилизации и культуры против буржуазного распада и разложения культуры. Надо учитывать, что чуждые буржуазные влияния из-за границы будут перекликаться с пережитками капитализма в сознании некоторых представителей советской интеллигенции, выражающимися в несерьезных и диких стремлениях променять сокровищницу советской музыкальной культуры на жалкие лохмотья современного буржуазного искусства. Поэтому не только музыкальное, но и политическое ухо советских композиторов должно быть очень чутким. Ваша связь с народом должна быть как никогда тесной. Музыкальный «слух на критику» должен быть очень развит. Вы должны следить за процессами, которые происходят в искусстве на Западе. Но ваша задача заключается не только в том, чтобы не допускать проникновения буржуазных влияний в советскую музыку. Задача заключается в том, чтобы утвердить превосходство советской музыки, создать могучую советскую музыку, включающую в себя все лучшее из прошлого развития музыки, которая отображала бы сегодняшний день советского общества и могла бы еще выше поднять культуру нашего народа и его коммунистическую сознательность».

Таковы общенародные, общегосударственные задачи, стоящие перед нашим искусством. Партия большевиков неустанно стремится к тому, чтобы деятели искусства создали совершенные произведения, достойные нашего народа и его великих дел. Для этого партия последовательно вооружает работников литературы, кинематографии, театра, науки программными документами, которые выражают новые требования советского народа, вступившего в исторический период построения коммунистического общества. Таким программным документом является и постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели», в котором сформулированы насущные задачи советского музыкального искусства. Это постановление показывает, как глубока забота партии об удовлетворении духовных потребностей советского народа.

Исторический доклад товарища А. А. Жданова «О журналах «Звезда» и «Ленинград» вдохновил советских писателей, вызвал новый под'ем творческой энергии. В новом выступлении тов. Жданова, посвященном вопросам музыки, получили дальнейшее развитие принципы коммунистической эстетики. В нем с большой силой высказаны те требования, которые партия пред'являет к деятелям искусства.

Сборник, в котором собраны материалы совещания деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) и опубликовано выступление тов. А. А. Жданова, окажет действенную помощь в деле повышения всей нашей идеологической работы. Советская художественная интеллигенция найдет в этой книге ясную программу своего труда и творчества.

«Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)». Издательство «Правда». 1948 год, 171 стр.

В Союзе советских писателей СССР

ТВОРЧЕСКИЙ СЕМИНАР

Недавно в Ленинграде состоялась творческая конференция-семинар русских писателей северных и западных республик и областей СССР. В конференции приняли участие 40 писателей Эстонии, Латвии, Литвы и Карело-Финской республики, Архангельской, Ленинградской, Вологодской, Великолукской, Мурманской, Новгородской и Псковской областей, а также около 80 молодых писателей Ленинграда.

Участники конференции заслушали доклады и лекции виднейших ленинградских литературоведов.

На семинарских занятиях были обстоятельно разобраны произведения прозаиков, поэтов, драматургов и критиков — участников конференции.

Секретариат Союза писателей СССР, заслушав отчет бюро комиссии по работе с русскими писателями о ленинградской литературно-творческой конференции, нашел целесообразным провести такие же конференции-семинары русских писателей Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Поволжья и других республик и краев СССР.

КОНФЕРЕНЦИЯ РЕДАКТОРОВ

Секретариат Союза писателей СССР совместно с Огизом решил созвать 29 марта Всесоюзную конференцию редакторов и представителей редакций русских альманахов и журналов, издаваемых в республиках, краях и областях страны.

На конференции будут сделаны обзоры альманахов и журналов, вышедших в первые годы новой сталинской пятилетки. С докладом о прозе, напечатанной в обозреваемых журналах и альманахах, выступит Е. Ковальчик, о поэзии — М. Матусовский, об очерках и публицистике — Е. Кригер и И. Рябов, о критике и литературоведении — С. Трегуб.

В конференции, которая продлится семь дней, примут участие видные московские прозаики, поэты, критики и литературоведы и свыше 30 представителей редакций альманахов и журналов.

***

Секретариат Союза писателей СССР принял предложение МК ВЛКСМ организовать в апреле конференцию комсомольского актива, посвященную итогам истекшего литературного года. Участники конференции заслушают доклады о прозе, драматургии, поэзии и примут участие в обсуждении произведений, опубликованных в 1947 году.

В КОМИССИИ ПО ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКЕ

Состоявшееся на-днях заседание комиссии по теории литературы и критике Союза советских писателей, было посвящено обсуждению второго номера журнала «Новый мир». Доклад сделал Ф. Левин, в прениях приняли участие Е. Ковальчик, Е. Книпович, А. Тарасенков, С. Бабенышева, В. Озеров, М. Кузнецов, Б. Яковлев, З. Кедрина. Выступавшие отметили интересную повесть П. Шебунина «Мамаев курган», начатую печатанием во втором номере «Нового мира». Одобрение большинства участников обсуждения вызвали новые стихи Я. Смелякова и записки инженера Л. Подвойского о людях завода «Серп и молот».

Серьезные упреки были высказаны по адресу критического отдела. Несмотря на то, что в номере есть несколько удачных статей («Космополиты от литературоведения» А. Тарасенкова, рецензии З. Кедриной, Н. Атарова, Ф. Александровой), отделу в целом нехватает ясного, продуманного плана.

Поверхностным, лишенным больших обобщений считают выступающие обзор Л. Субоцкого «Заметки о прозе 1947 года». К тому же Л. Субоцкий дает неправильное, космополитическое толкование советского патриотизма, который в этой статье предстает оторванным от национальных патриотических традиций.

В. Куриленков в статье «Большевистские традиции революционной поэзии» преувеличивает роль рабочей поэзии в истории русской литературы, искусственно отрывает советскую литературу от русского и мирового классического наследства.

Важный и нужный раздел «На зарубежные темы» представлен в номере неудачно. Статья А. Исбаха «О «жрецах человеческого духа» и предателях рода человеческого» представляет собой простой монтаж цитат. Она легковесна и не отвечает тем серьезным требованиям, которые советский читатель вправе пред'явить к этой теме.

Заслуживает одобрения стремление редакции «Нового мира» дать интересную, живую, эмоциональную рецензию, своего рода «книжную новеллу». Но в работе этого отдела есть еще много непродуманного. Случаен подбор рецензируемых книг, статьи часто лишь внешне занимательны, и не дают ясного представления о содержании произведения.

На заседании были обсуждены общий характер и направление дальнейшей работы комиссии по теории литературы и критике.

***

В новый состав комиссии вошли: С. Бабенышева, Б. Бялик, Д. Данин, А. Еголин, В. Ермилов, В. Кирпотин, Е. Книпович, Е. Ковальчик (председатель), М. Кузнецов, А. Лацис, Ф. Левин, Ю. Лукин, А. Макаров, А. Марьямов, Т. Мотылева, В. Озеров, З. Паперный, К. Потапов, Л. Скорино, А. Тарасенков, В. Щербина.

НОВАЯ ПОЭМА ВЕРЫ ИНБЕР

Секция поэтов Союза советских писателей организовала вечер, посвященный обсуждению первой части новой поэмы Веры Инбер «Путь воды». Написанная в форме лирического дневника, первая часть поэмы рассказывает о поездке поэта в Тегеран, о ее путевых впечатлениях, о жизни и судьбе иранского народа, находящегося под двойным гнетом — своих шахов и английских капиталистов, о людях, быте и природе этой страны.

Поэма была встречена сочувственно. В обсуждении приняли участие поэты и критики — М. Голодный, А. Яшин, Д. Климов, В. Тушнова, А. Коваленков, А. Ситковский, А. Барто, М. Луконин, Г. Шенгели, П. Антокольский, С. Васильев, А. Софронов, Ф. Левин.

ОБСУЖДЕНИЕ СТИХОВ С. НАРОВЧАТОВА

Недавно состоялось заседание секции поэзии, посвященное обсуждению новых стихов Сергея Наровчатова.

В прениях выступали П. Антокольский, Я. Смеляков, М. Светлов, С. Васильев, М. Луконин, Е. Долматовский, И. Бауков, С. Островой, Г. Левин и др.

Отмечалось, что лучшие стихи С. Наровчатова рождены войной. Они эмоциональны, ярко окрашены ораторскими интонациями. Но есть у поэта и стихи, написанные сухо, невыразительно. Пренебрежение к мастерству, сказывающееся в некоторых стихотворениях С. Наровчатова, снижает политическую остроту и воспитательное значение этих произведений.

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

Товарищ библиотекарь

Мне было лет двенадцать, когда отец повел меня в частную библиотеку, откуда можно было брать любую книгу на дом. Именно это и поразило меня в большой сумрачной комнате, — огромное количество книг, из которых мне дадут любую!

Помните ли вы ощущение счастья, когда библиотекарь достает с полки толстый том с истрепанной по краям бумагой, заглянув в который, вы уже заметили печальное личико Флоренс и гордую осанку старого Домби? Как бежишь по темной улице, прижимая к груди книгу, ожидая минуты, когда раскроешь ее и начнешь жить необыкновенной, во много раз расширившейся жизнью, захлебываясь счастьем или горюя с новыми друзьями! И каким важным в жизни человеком становится тот, в чьей воле выбрать для вас такую нужную вам книгу. Этот человек, соединяющий читателя с книгой,—человек, делающий огромное дело: он может открыть перед вами весь мир, но может и равнодушно сунуть вам в руки «Ключи счастья», которыми ровно ничего не открывается...

И до революции были библиотекари, пытавшиеся помочь в выборе книг своим читателям, но новые отношения между читателем и библиотекарем начали складываться только после революции. В библиотеки пошли новые люди, стремившиеся расширить свои знания путем самообразования и не знавшие, как приступить к делу. Эти читатели обращались к библиотекарю с вопросом «что читать?» Новые библиотекари сами только еще взялись за новое для них дело — нести просвещение в массы путем подбора тех необходимых советскому человеку книг, которые показали бы ему, что происходит около него, и научили бы его найти свой путь в открывшейся перед ним широкой перспективе труда и творчества на благо родимой страны.

Все эти тридцать лет, вместе с ростом потребностей советского читателя, росло и ощущение ответственности библиотекаря за то дело, какое ему было поручено: перед ним были люди, жадные к знанию, и они пред'являли все более широкие требования. Библиотекарь становился тем активным участником социалистического строительства, проводником культуры в массы, которого, наконец, дождался советский читатель.

Значимость профессии библиотекаря еще не вполне оценена так, как она того заслуживает; мы только сейчас понимаем, какой неоценимый друг вырос за эти тридцать лет для нашего читателя и как расширились границы этой профессии.

***

И. Н. Смирнов был красноармейцем, когда в 1920 году его позвал комиссар полка и, указывая на забитые ящики, сказал: «Вот, надо учинить библиотеку. Ты грамотный человек, возьмись». И. Н. Смирнов взялся. С тех пор прошло 28 лет. Книга нашла верного и бескорыстного друга. Нет в Костроме читающего человека, который бы не знал Смирнова. Он работал во всех отделах городской, а потом областной библиотеки. Потом он стал ее директором. Он собрал для нее фонды из помещичьих усадеб и монастырей. Стоит только послушать его рассказы о первом парижском издании «Капитала» Маркса или о том, как ему удалось приобрести дельвиговскую «Литературную газету», чтобы понять, как он любит и знает книгу.

Он рассказывает о том, как в 1926 году пришла в библиотеку работница одной из фабрик Субботина, потом привела мужа, через несколько лет — дочь, а теперь дочь ходит в библиотеку со своей маленькой дочкой.

— Удивительно, как изменился читатель, — рассказывает товарищ Смирнов.— В библиотеку приходят люди большой культуры, настоящих, глубоких знаний. Их интересуют капитальные труды. Возвращая книгу, они дают подробные отзывы. Это — партийные работники, преподаватели техникумов и общеобразовательных школ. Учитывая, что читателям наиболее интересно, мы подбираем литературу и составляем картотеки. Целый ряд руководящих работников и ученых Костромы, а также и приезжих обращаются к нам за консультацией. Но главный наш читатель — молодежь. Юноши и девушки приходят с просьбой порекомендовать им, что читать. Мы учим их работать над книгой. При участии горкома комсомола проводим литературные вечера с участием местных писателей.

***

С. С. Белькова — библиотекарь одного из золотых приисков Свердловской области—проделала путь, схожий с путем И. Н. Смирнова. Когда вернулись рабочие, воевавшие с Колчаком, она получила распоряжение принять библиотеку. И она тоже стала сама разбираться в книгах, так неожиданно попавших в ее ведение. На первых порах у нее было три читателя. Она помнит, как первым пришел железнодорожный мастер Ширинкин. Теперь у товарища Бельковой книги на трех языках: русском, татарском, казахском, и три с половиной тысячи читателей. Поселковые агитаторы постоянно обращаются в библиотеку за материалом.

— Жадность какая-то у нашего народа развилась на книгу, и, знаете, нет большего огорчения, чем отпустить читателя без книги, а это часто бывает, книг у нас недостаточно. Ведь я своему читателю не предложу кое-какую книжку, чтобы только отделаться. Читатель идет ко мне за насущным хлебом для души. А душа его открыта всему, он болеет и за недовыработку, и за международные осложнения, а в художественной книге он хочет решить свои вопросы жизни, ему нужна настоящая книга...

***

В далеком Хабаровске работает с 1927 года Д. Е. Кравченко. Она — заместитель директора краевой библиотеки. Жизнь огромного молодого края можно проследить и в истории этой библиотеки. Когда-то, в 1894 году, организованная филиалом Русского географического общества, она имела ограниченный круг читателей: все больше—исследователи Дальнего Востока. Постепенно библиотека стала пополняться; с 1932 года ей выделили «два обязательных экземпляра». Во время войны библиотека получила новое большое помещение. Сейчас в библиотеке наблюдается такой наплыв читателей, что пришлось прекратить обслуживание учащихся. Участники всех экспедиций, все приезжающие в край специалисты работают в ней. Чтобы удовлетворить потребность в художественной книге, приходится выделять библиотечный филиал на заводы и устраивать литературные вечера. Провели обсуждение многих книг и журнала «Дальний Восток».

— Когда мы устроили книжную выставку,—рассказывает Д. Е. Кравченко,— и открыли для обозрения все наши книжные фонды, экскурсовод совсем у нас с ног сбился; без конца шли экскурсии из ФЗО, из учреждений, из воинских частей. Потом стали поступать просьбы продлить выставку. Мы выпустили путеводитель по книжным полкам. На читательских конференциях аудитории у нас не вмещают желающих...

***

К. П. Гоголева, библиотекарь из города угля — Ленинска-Кузнецкого, рассказывает:

— Читатель моей библиотеки — шахтер. Это читатель с большим культурным запросом. Он из забоя выйдет,—ему надо все узнать, что делается на свете и в стране, где он хозяин. Я устроила выставку «Жизнь товарища Сталина». После этой выставки у меня отбоя не было — «дайте биографию Сталина». А ее у меня 5 экземпляров! Или «Коммунистический Манифест» — и много экземпляров, а все нехватает.

И еще ставили перед собою задачу: не можешь выдать книгу,—сумей ее заменить, не отпускай человека с пустыми руками. Наш советский библиотекарь должен разбираться во всем: в истории партии, в литературе, в учебных пособиях. Чтобы консультировать, надо самому знать. Повышать свое образование нам необходимо, читатель наш не дает стоять на месте!..

***

Да, советский библиотекарь работает среди масс — среди рабочих, колхозников, служащих, и связь его с советским читателем — связь друга, поэтому невозможно перечислить всех методов их совместной работы. Советская культура непрерывно растет, заслуга в этом принадлежит, наравне с народным учителем, и библиотекарю.

В тысячах наших библиотек, в сосредоточенной тишине, где тихо шелестят страницы перелистываемых книг, как бы отгороженный от шумной жизни, работает наш советский библиотекарь, но он слышит четкий пульс жизни нашей страны и участвует в этой жизни своим упорным, самоотверженным трудом.

ДОСАДНЫЕ ПЕРЕПЕЧАТКИ

В третьем номере литературно-художественного альманаха «Кубань» (Краснодар, 1947 г.) нам особенно запомнились строки из поэмы Петра Чихачева «Счастье»:

И ему ночами снится,
Как, вливаясь в тишину,
Белокурая пшеница
Подошла к его окну.
И совсем по-человечьи,
Поклонившись за окном,
Михаилу тихо шепчет
Колосистым языком:
«От вниманья и заботы
Урожаи хороши.
Я за качество работы
Благодарна от души!»

Ознакомившись с альманахом «Кубань», мы испытываем острое желание «влиться в тишину», и тихо (а еще лучше—громко) шептать колосистым языком разные слова.

Нам очень хотелось бы шепнуть редколлегии альманаха, что ей стоило бы вдуматься в некоторые, совершенно справедливые утверждения пшеницы, несмотря на всю белокурость последней.

От вниманья и заботы
Урожаи хороши!

Очень здоровая мысль! И не только пшенице впору!

А то сейчас доверчивый читатель альманаха попадает в положение героя той же поэмы:

Заглянул солдат в машину,
На спине вскипает (?) дрожь.
— Катерина, Катерина,
Ты меня не узнаешь!

Дрожь вскипает на спине читателя по многим причинам. Ибо альманах «Кубань» № 3 состоит, в основном, из перепечаток и опечаток. Тут и главы из книги П. Игнатова «Подполье Краснодара», давно изданной в Москве, и рассказ А. Первенцева «Единство», перепечатанный из журнала «Октябрь» № 5 за 1947 год, и очерк Б. Верткина «Рождение славы», выпущенный отдельной брошюрой краевым издательством, и стихи В. Литвинова, И. Белякова, П. Симонова, А. Исакова, уже помещенные в сборнике «О Родине»:

— Катерина, Катерина,
Ты меня не узнаешь! —

изумленно вскрикивает внимательный читатель, встречая стихотворение В. Литвинова «Кубань, земля моя», перепечатанное из... предыдущего номера того же альманаха «Кубань».

Неужели редколлегия альманаха считает, что стихи В. Литвинова с одного раза «не доходят» и нужно их вдалбливать, перепечатывая из номера в номер?

Мы не приводим здесь список опечаток, стилевых погрешностей, вопиющих примеров редакторской небрежности. Их слишком много. И мы не можем повторить заявление пшеницы:

Я за качество работы
Благодарна от души!

Нам хочется сказать другое, в стиле поэтов «Кубани»:

Ах, «Кубань», моя «Кубань»,
Золотой початок...
Почему ты вся, «Кубань»,
Из перепечаток?

Эх, «Кубань», моя «Кубань»,
Что это за петли?
Редколлегия твоя
Думает ли, нет ли?

А. РАСКИН.

В. ШКЛОВСКИЙ

Книга о русской творческой мысли

Л. Гумилевский написал свою книгу «Русские инженеры», чтобы рассказать об особенном, «неповторимом национальном характере русской творческой мысли».

Л. Гумилевский начал заниматься историей техники двадцать лет назад. Одной из его первых работ была книга об изобретателе двигателя внутреннего сгорания без зажигания — Дизеле. Исходной точкой в этой работе являлось противоречие между развитием мировой техники и интересами буржуазии отдельных стран.

Дизель изобрел двигатель, который был выгоден прежде всего для стран, имеющих жидкое горючее.

Для Германии того времени изобретение Дизеля не было выгодно.

Таким образом, Л. Гумилевскому удалось найти для своей вещи внутренний конфликт, который не был искусственно привлечен для оживления произведения, а исходил из внутренних законов явления.

Когда-то Л. Толстой говорил: «Художественная литература все только изображает типы характеров. А надо бы изобразить типы умов».

Русская литература давно ушла от условного сюжета и расширила область искусства.

Герой нашей страны — наследник всей человеческой культуры, он ведет ее дальше. Наука и техника вошли в сферу кровных интересов этого героя.

Овладение новыми знаниями происходит сейчас, естественно, и в сфере советского искусства.

И нам и всему миру чрезвычайно важно знать философию русской науки и русской техники. Новая история техники и философии техники не может быть историей или философией изолированной техники.

На подступах к своей большой теме Л. Гумилевский, кроме книг, посвященных биографиям отдельных инженеров, создал книгу по истории авиации, книгу по истории железных дорог. Но задача, которую он поставил перед собою сейчас, неизмеримо сложнее прежних.

В книге «Русские инженеры» следовало преодолеть старую систему расположения материала—освободиться от членения техники по специальностям и, рассказывая о русской инженерии, показать в ней черты русского национального характера.

Книга состоит из четырех разделов: «Розмыслы и инженеры», «Отличительные черты русской инженерии», «Инженерная наука в России» и «Русские инженерные решения».

Таким образом, каждый из этих разделов обнимает материал из самых различных отраслей русской техники. И этот материал, привлеченный автором книги, очень обширен.

Одна из самых значительных задач, поставленных и успешно разрешенных Л. Гумилевским, заключается в том, чтобы разбить легенду о русских изобретателях, как о самоучках. В «Русских инженерах» обоснованно, убедительно показано, что пора нам оставить разговоры о «сметке», как о единственном научном вооружении таких талантливых пионеров русской инженерии, как, например, Кулибин или Ползунов.

Л. Гумилевский пишет: «...биографии прославленного Джемса Уатта, Джорджа Стефенсона или Михаила Фарадея идут вровень с биографиями Кулибина, Черепановых и Ползунова. Фарадей был подмастерьем у переплетчика; Уатт, не окончивший даже начальной школы, учился мастерству в лондонской мастерской механических инструментов. Фарадей состоял в совершенно таких же отношениях с Королевским обществом в Лондоне, а Уатт—с Глазговским университетом, в каких находился Иван Петрович Кулибин с Петербургской академией наук.

Почему же никто никогда ни в России, ни в Англии, ни еще где в мире не называл Фарадея или Уатта самоучками, хотя все знают, что и Фарадей и Уатт не проходили, подобно Кулибину и Черепановым, никаких школьных курсов?»

Это указание совершенно правильно. Мы точно знаем, что Ползунов был вполне знаком с наукой своего времени; мы не говорим уже о таком гениальном изобретателе оптических приборов и гениальном химике-практике, как Ломоносов, который своей теорией превосходил современную ему науку.

Мы можем сказать даже, что русская техника именно и отличается тем, что она всегда была связана с наукой и имела теоретическое обоснование.

Типичны для русской инженерии Менделеев и Вышнеградский, Жуковский и Крылов, Чебышев и Чаплыгин.

Самая система русского технического образования отличалась большей широтой, чем хотя бы система образования инженера в Германии.

Этот факт Гумилевским установлен, и в то же время показано, с каким трудом реализовалась всегда русская техническая мысль и как часто она эксплоатировалась зарубежным капиталом.

Книга Л. Гумилевского—талантливая книга, написанная с большим размахом. Но в то же время местами она носит на себе печать недосказанности и даже торопливости.

Л. Гумилевский очень умело, интересно и доказательно рассказывает читателю о различных типах инженерного ума, рисуя портреты Чаплыгина, Чернова, Жуковского. Эти портреты—лучшая часть книги. В то же время рядом он просто цитирует кусок из книги А. Бека — описание доменщика Курако.

А. Бек написал хорошую книгу. Но он писал ее с других позиций, подчинял другим заданиям. Его рассказ о Курако мог послужить материалом для Гумилевского, но не может стать органической частью его книги.

В рассказах о старой русской технике автор не всегда находит правильные решения. По истории русской техники сделано мало, и тут самая скромная работа является открытием. Но Гумилевский, например, совершенно пропускает Якова Батищева, а между тем солдат Батищев был создателем ряда оригинальнейших станков на Тульском заводе.

Ничего не пишет Гумилевский про Алексея Сурнина и Захаву. Между тем токарный станок создан Сурниным по крайней мере на десятилетие раньше Модслея. Он изготовлялся на заводе уже в 1813 году. В то же время Сурнин создавал специализированные станки, которые можно назвать первыми автоматами.

Та задача, которую ставит перед собой Л. Гумилевский, чрезвычайно трудна; ее выполнение должно, вероятно, стать делом поколения, но, может быть, временно надо брать более ограниченные задачи, но брать их глубже, потому что, зачерпывая из огромного моря ложкой все одну и ту же воду, мы не сумеем понять закона моря.

Некоторые характеристики в книге недостаточно показывают того или иного ученого. Между тем такие люди, как Менделеев или Мельников, должны быть характеризованы иначе, чем Вышнеградский.

Вышнеградский был крупнейшим инженером, он много сделал для русской науки, но нельзя сперва рассказывать о Вышнеградском-инженере, а потом оговариваться: «...совершенно иной характер носила деятельность Вышнеградского в качестве министра финансов в последние годы его жизни, когда он изменил науке и полностью вошел в круг дельцов высшей марки».

Это не совсем так: Вышнеградский своей буржуазной науке не изменял и ей служил все время и верно. До того, как он был министром финансов, он был деятелем частных банков, его звали профессором плутократии.

Л. Гумилевский написал интересную и нужную книгу. Она умна и занимательна, в ней по-новому связаны события. Но книга эта могла бы (и должна) стать полнее. Ее еще можно дописывать и дорабатывать.

Л. Гумилевский. «Русские инженеры». «Молодая гвардия». 1947. 446 стр.

Трудящиеся женщины города Пардубице (Чехословакия) прислали в подарок женщинам города Калинина художественно выполненную шкатулку с изображением на ней эпизодов из чешского народного эпоса.

Калининцы в свою очередь готовят жителям города Пардубице подарки, которые будут вручены им в день празднования освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков.

НА СНИМКЕ (справа налево): депутаты Калининского городского Совета Т. Иванова, А. Фомичева и П. Иванова осматривают подарки, полученные из Чехословакии.

Фото Н. ЧАМОВА (Фотохроника ТАСС).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

МЯГКОТЕЛАЯ КРИТИКА

Постановление ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба» нашло горячий отклик на страницах грузинской газеты «Литература и искусство». В номере от 29 февраля было помещено шесть статей видных общественных деятелей и писателей Грузии (И. Гришашвили, С. Клдиашвили, Д. Шенгелая и др.), разбирающих методы работы современных грузинских композиторов. Однако авторы всех статей (в том числе и передовой) не называют ни одного конкретного имени, говоря о недостатках творчества композиторов вообще.

Такая «критика» мало способствует реализации постановления Центрального Комитета нашей партии.

Врач Г. ИОРДАНИШВИЛИ.
ТБИЛИСИ.

САМОУПРАВСТВО

В декабре 1947 года моя жена выписала через Малгобекскую контору связи «Литературную газету». Она уплатила подписную плату за весь 1948 год и получила квитанцию серии УШ № 11949.

В январе мы получили почему-то только шесть номеров, а с 1 февраля доставка газеты прекратилась вообще.

При проверке оказалось, что заведующий отделом пропаганды и агитации Малгобекского горкома ВКП(б) тов. Жаворонков отдал распоряжение работникам конторы связи, чтобы выписанную нами газету доставляли не нам, а секретарю горкома ВКП(б) по кадрам тов. Мамсурову. Просто и удобно: с 1 февраля 1948 года тов. Мамсуров без зазрения совести читает «Литературную газету», выписанную на наши деньги, предоставив нам с женой любоваться подписной квитанцией, выданной Малгобекской конторой связи.

Я считаю, что тов. Жаворонков использовал свое служебное положение работника горкома партии и допустил самоуправство. Работники городской конторы связи, выполнив абсолютно неправильное распоряжение тов. Жаворонкова, нарушили инструкцию своего министерства. Я требую, чтобы немедленно были восстановлены мои права подписчика «Литературной газеты».

Гвардии старший лейтенант В. ЧВИЛЕВ.
МАЛГОБЕК Северо-Осетинской АССР

От редакции. Редакция «Литературной газеты» полностью разделяет негодование гвардии старшего лейтенанта В. Чвилева. Присвоение руководящим партийным работником газеты, выписанной другим лицом,— случай, действительно, из ряда вон выходящий. Северо-Осетинскому обкому ВКП(б) следует заинтересоваться малгобекскими нравами.

Против защитников декаданса в музыке

Б. ШТЕЙНПРЕСС

Русская музыка, как и русская литература, законно гордится своими прогрессивными традициями, реализмом и народностью, высокой идейностью, связью с жизнью, с передовыми движениями эпохи. Эти принципы получили замечательное выражение в гениальных творениях Глинки, Мусоргского, Бородина, Чайковского, Римского-Корсакова и других корифеев музыкального искусства. Они выдвинули русскую классическую музыку на первое место в мире и обеспечили ей неувядаемую славу. И в те годы, когда кумир западноевропейской интеллигенции Вагнер в своих последних произведениях шел к мистике и клерикализму, когда разнузданная эротика Рихарда Штрауса и судорожная экспрессия Малера соперничали в музыке Запада с изощренной чувственностью Дебюсси, предвещая закат и маразм буржуазной музыкальной культуры, русская классическая музыка несла миру благородные этические идеалы, жизненную значительность идейно-эмоционального содержания искусства, подлинную человечность, величие и красоту эстетических принципов.

Начало XX столетия было временем декадентства, идейного кризиса буржуазного искусства, усиления идеалистических тенденций в различных областях культуры. Не только в творчестве композиторов-модернистов, но и в некоторых произведениях носителей классической традиции мы наблюдаем в этот период симптомы кризиса. Именно эти явления старательно обходятся или фальшиво прикрашиваются музыковедческой литературой.

Накануне первой мировой войны, в период распространения упадочничества и мистики, Рахманинов написал кантату «Колокола» на слова Эдгара По (перевод К. Бальмонта). Пессимистические мотивы и образы жути, гибели, чертовщины, которыми проникнута поэма По, получили сгущенное выражение в обработке символиста Бальмонта. Они-то и увлекли Рахманинова, который создал мрачнейшее произведение, во многом родственное «Жизни Человека» Л. Андреева.

«Колокола» с удивительной настойчивостью пропагандируются нашими концертными организациями. Выпущенные к концертам Московской филармонии программы (ноябрь 1945 года) с эстетским любованием описывают музыкальное воплощение «фатальности круга человеческой жизни», «видения тяжелого фантасмагорического сна», «новые волны ужаса и отчаяния», «фантастический образ — Кто-то черный там стоит»... Описывают в об'ективно-благожелательном тоне, без тени критического подхода, без намека на идейную характеристику, политическую оценку. Вместо этого анонимный автор ограничивается по меньшей мере двусмысленной фразой о том, что «Колокола» явились «новой ступенью в развитии композитора, воочию показав его глубокую связь с идейными (какими!? — Б. Ш.) и стилистическими исканиями своего времени».

И. Бэлза, автор очерка о С. В. Рахманинове (1946), с восторгом отзываясь о «необычно колоритном преломлении» Рахманиновым символики По — Бальмонта, сводит философскую концепцию кантаты к воспеванию «неумирающей красоты человеческих чувств». На ту же позицию становится и А. Соловцов, автор книжки о Рахманинове (1947).

Мы хорошо знаем цену «исканиям» в философии, литературе, искусстве периода реакции и декадентства.

Они, эти «искания», нашли отражение и в музыке. Они задели и творчество таких мастеров, как А. Лядов, многими нитями связанного с классикой и народной песней. В годы 1908—1912 Лядов пишет музыку к пьесе «Сестра Беатриса» Метерлинка, оркестровые произведения «Нения» («Скорбная песнь») по Метерлинку и «Из Апокалипсиса». Идейный смысл этих продуктов «модного» направления вполне ясен и, казалось бы, должен быть выявлен при характеристике творчества Лядова. Но этого как раз и избегают критики, заменяя идейно-стилистический анализ абстрактно-эстетскими и апологетическими суждениями (см. брошюру В. Васиной-Гроссман, «А. Н. Лядов», 1945).

По особенному извращению подвергается творчество Скрябина, являющегося, бесспорно, центральной фигурой русского музыкального модернизма. Здесь прочно утвердилась вредная концепция, согласно которой разрыв Скрябина с основами классической музыки рассматривается как прогресс, как более высокая ступень музыкального искусства, а мессианско-экстатические устремления — как выражение «роста революционной активности русского народа в период, непосредственно предшествовавший Великому Октябрю». Последняя фраза заимствована из статьи И. Бэлзы «Великий новатор», помещенной в «Советском искусстве» 10 января 1947 года. Статья эта представляет крайнее выражение идеалистического направления в нашем музыкознании.

Известно, что Скрябин рассматривал свою музыку как воплощение собственной философской концепции. «...Мир, — писал Скрябин, — есть результат моей деятельности, моего творчества, моего хотения (свободного)». Крайний индивидуализм композитора, его мистические устремления находили выражение то в неистовых взлетах и «огненном» дерзании («К пламени», «Поэма огня»), то в истоме, эротической неге («Поэма томления», «Танец томления», «Ласка в танце»). Если в более ранних (и более ценных) сочинениях Скрябина живое и поэтическое выражение человеческих чувств нередко берет верх над магическими заклинаниями и исступленностью, то к концу жизни композитор создает ультрамодернистские произведения. В «Предварительном действии» к «Мистерии» Скрябин воспевает бога и вкладывает в его уста слова, наподобие следующих: «Смерти белое звучание, я свобода, я экстаз».

И вот подобное понимание «свободы» И. Бэлза выдает за «веру в прогрессивные силы человечества», подобные мистико-волюнтаристические проекты—за «глубоко-оптимистическое ощущение мира» и «веру в морально-этическую силу искусства», а индивидуалистический «экстаз»— за «образы борьбы и бури», родственные... «дерзновенно-прекрасной «Песне о буревестнике» Горького!..

Используя ошибочные утверждения А. В. Луначарского, И. Бэлза, А. Альшванг («А. Н. Скрябин», 1945) и другие превращают Скрябина в художника революции, провозвестника Великого Октября. Но как на самом деле были чужды передовому пролетарскому движению реакционно-символистские «порывы» буржуазной интеллигенции, ее модные проекты «спасения» человечества через искусство, ее богостроительское «новаторство», родственное «Мистерии» Скрябина!

Весьма странное впечатление производят попытки И. Бэлзы представить Скрябина-символиста как выразителя «этических идеалов народа». Впрочем, он сам связывает эти «идеалы» с воззрениями... мудреца Неферроху, за 2000 лет до н. э. (см. статью И. Бэлзы в сборнике «С. И. Танеев и русская опера», М. 1946). Но этого ему мало. Повторяя тезис о том, что музыка автора «Поэмы экстаза» укрепляла силы «в борьбе за высокие идеалы человечества», И. Бэлза связывает это с откликом композитора на «призыв Ленина», «пророчески прозвучавший еще в дни октябрьской политической стачки московского пролетариата в 1905 году» (И. Бэлза, «Советская музыкальная культура», М.—Л., 1947, стр. 36). Трудно себе представить, что эта бредовая идеалистическая профанация могла получить печатное выражение в книге советского автора, вышедшей к 30-летию великой годовщины.

Среди музыкантов прочно укоренилось мнение, будто новаторство Скрябина—шаг вперед в истории музыки. Это глубоко ошибочная, порочная точка зрения. Новаторство Скрябина — не развитие, а разрушение основ классической музыки. В основе скрябинской гармонии лежит диссонанс. Композитор сделал большой шаг «вперед» — от тональной музыки к атональной. Он отверг главные лады классической музыки — мажор и минор и базировался на так называемых «сложных ладах» (увеличенном, дважды увеличенном и т. д.). Иногда ссылаются на ряд примеров применения «увеличенных» гармоний в операх Глинки, Даргомыжского, Чайковского и др. Но характерно, что все эти примеры относятся к изображению в музыке нереального, неестественного, уродливо-фантастического (Черномор, леший, призрак графини и т. п.). Суть как раз в том, что Скрябин неестественное превращает в нормальное: те средства, к которым классики-реалисты прибегали в исключительных случаях и со специальной целью, для изображения чуждого человеку мира, Скрябин применяет для выражения своего внутреннего мира. Это ли не доказательство антиреалистической сущности новаторства Скрябина? То же можно сказать и о ритме, форме, фактуре его музыки. Скрябин был первый среди значительных русских музыкантов, кто, изменив великой национальной традиции, отказался от нормальной, естественной широконапевной мелодии. Он превратил мелодическую линию в совокупность коротких тем-символов. Не случайно и то, что творчество Скрябина замкнулось в рамки исключительно симфонической и фортепианной музыки и было чуждо вокально-песенному началу, преобладавшему в русской классике. Народное творчество, народные мелодии Скрябин отвергал начисто.

Вопрос об отношении к творчеству основоположника русского музыкального модернизма имеет актуальное значение для борьбы с наследием модернизма в советском музыкальном творчестве. Вопрос этот в свое время был поставлен Д. Житомирским в статье, посвященной «частичной» реабилитации модернистского «современнического» направления. («Советская музыка», 1940, № 9). Он был сформулирован им так: «...все то новое, что открыл Скрябин в сфере экспрессионистской и импрессионистской выразительности, — могло ли все это оказаться бесплодным для дальнейшего развития советской музыки?» Д. Житомирский отвечает на этот вопрос следующим образом: «В целом процесс усвоения скрябинского наследия был исторически плодотворным». В качестве положительного примера он приводит Шостаковича, чье творчество «обогащено... достижениями Малера, Скрябина, Хиндемита, Мясковского...» Стало быть, влияние символиста Скрябина наряду с влияниями экспрессиониста Малера и конструктивиста Хиндемита — это «обогащение» творчества советского композитора, а не нечто чуждое ему и тормозящее его развитие. Ревизионистская по существу статья Д. Житомирского была воспринята как своего рода программа теми музыкантами, которые цеплялись за декадентское «наследие». С тем большей остротой надо повести борьбу за разоблачение «тонкой» и «гибкой в своих оттенках» защиты «наследия модернизма». Борьба эта не будет доведена до конца, если мы не подвергнем пересмотру некоторые «привычные» представления о явлениях предреволюционного декадентства, если мы не разгромим окончательно буржуазно-либеральных идеалистических взглядов, с такой бесцеремонностью распространяемых в нашей музыковедческой литературе.

Б. БЫХОВСКИЙ

США — центр мракобесия

За последние годы центр международной философской реакции переместился из Германии в США.

Немецкие философы-идеалисты обрели в США вторую родину. Американская реакция широко использует их многолетний опыт борьбы с материализмом. Им предоставлены кафедры в американских университетах, для них организованы философские журналы, их произведения широко рекламируются в прессе США.

Тех философов-идеалистов, которые остались в Германии, американцы используют в качестве своих идеологических эмиссаров. Таков, например, экзистенциалист Карл Ясперс, которого американцы поставили во главе Гейдельбергского университета.

В сентябре 1947 года в Баварии состоялась философская конференция, на которой американские воспитанники немецких идеалистов в свою очередь обучали реакционному уму-разуму философов Бизонии.

Английская идеалистическая философия все более срастается с американской, превращаясь в ее европейский филиал. Многие лидеры английского философского идеализма (Уайтхед, Стэйс) прочно осели в США, заняв подобающее место в рядах заокеанских ретроградов. Другие (как Бертран Расселл) вернулись из США в роли европейских миссионеров атомных громил.

Поочередно приезжали в США для «инспирации» оба лидера французского экзистенциализма — этой философии идеологического вырождения и моральной опустошенности — Жан Поль Сартр и Альбер Камю.

Вожаки американской реакции, не жалея средств на духовное растление народа, щедро оплачивают своих идеологических оруженосцев, которые стремятся распространить свое тлетворное воздействие на более широкие круги интеллигенции и активнее включиться в экспансионистскую политику англо-американских империалистов.

Яркое проявление этого процесса представляет собой, например, организация пропаганды философского идеализма в армии США, в частности, введение преподавания идеалистической философии в оккупационных войсках США в Европе. В американской армии ныне принята на вооружение не только атомная бомба, но и реакционная философия. Недавно издано «Введение в философию», написанное для армии США философами-идеалистами Хокингом, Бланшардом, Хенделем и Ренделлом, выказывающими большую заботу «о спасении души» и убеждающими, что «тело есть лишь дух, ставший видимым для других». Издана также философская хрестоматия для армии, включающая пространные выдержки из человеконенавистнических писаний Гитлера.

***

Не ограничиваясь поддержкой философской реакции у себя дома, США экспортируют ее в порядке идеологической «помощи» душителям прогресса и демократии в других странах. Рука об руку с экономической и политической экспансией идет экспансия идеологическая.

Для включения латино-американских стран в философскую «сферу влияния» в США созываются, в частности, межамериканские философские конференции. Последняя состоялась в конце декабря в Колумбийском университете. Особое усердие в этом направлении проявляет редакция выходящего в США журнала феноменологов, последователей виднейшего представителя немецкой реакционной философии Эдмунда Гуссерля, оформивших в США свой международный центр и издающих здесь свой центральный орган. Они широко привлекают латино-американских философов-идеалистов к участию в журнале и сопровождают свои статьи резюме на испанском языке для латино-американских читателей.

Не забывают идеологи американского экспансионизма и азиатские страны. Выходят специальные философские издания, вроде «Философия — Восток и Запад» под редакцией Чарлза Мура, или «Встреча Востока и Запада» Норзропа, ставящие целью «сближение», «взаимопонимание» между современными американскими и китайскими и индийскими философами-идеалистами.

Экспансионистские происки США и связанную с ними международную пропаганду философские оруженосцы американского империализма изображают, как распространение во всем мире «передовой цивилизации», как идеологическую «помощь» другим народам. Они утверждают при этом, что США являются якобы передовой страной, наиболее свободной от предрассудков и пережитков старины.

Две цифры, взятые из американских источников, проливают некоторый свет на этот высокий уровень культуры и свободу от предрассудков.

Как установлено специальной переписью, в США существует 256 различных религиозных сект и вероисповеданий.

Граждане США еженедельно расходуют не менее 4 миллионов долларов на оплату 85 тысяч астрологов и иных «предсказателей судьбы».

Перед американскими «просветителями» вселенной — непочатый край работы для преодоления темноты у себя дома, но, являясь ревностными блюстителями мракобесия, они, конечно, меньше всего заинтересованы в его искоренении.

Какую же духовную пищу предлагают на экспорт народам других стран идеологи американской реакции?

На первый план идеологические оруженосцы американского империализма выдвигают представителей старинного врага прогресса — католической церкви. В качестве «новейшего достижения» философской мысли американские идеалисты могут предложить лекции профессоров католических университетов, труды Американской католической философской ассоциации, философские журналы, названия которых достаточно ясно говорят сами за себя: «Новая схоластика», «Фомист» (т. е. последователь средневекового богослова Фомы Аквинского). Они могут предложить новейшее «Введение в философию» Гленна, который об'являет свою философию не просто «служанкой богословия», как это было в средние века, а «добровольной и беззаветно преданной служанкой богословия».

Наряду с католическими «новинками», скопированными со средневековых образцов, большое место в американском философском экспорте занимает протестантское мракобесие, вроде «персонализма», для которого краеугольный камень философии — теизм (вера в бога, как особую «личность»), а «самое достоверное из всех достоверностей — принцип недостоверности» (Флюеллинг), или вроде философии Уолтера Лоури. Этот фанатический проповедник патологической мистики Кьеркегора откровенно заявляет, что для него «последовательность — не бог весть какая драгоценность», что он «предпочитает ей теории, оказывающие тонизирующее или терапевтическое воздействие». В переводе с философско-медицинского диалекта это означает, что Лоури нет никакого дела до научного обоснования его теории. Его интересует лишь возбуждающее воздействие его «теоретических» наркотиков на чувства для отуманивания рассудка.

В современной идеалистической философской литературе США широко распространена пропаганда мифов вместо знаний. Тени Муссолини и Розенберга витают над американской философской реакцией. «Миф богаче нашей науки, — проповедует один из многих—Дональд Оливер.— Без некоторой примеси мифа знание бесплодно и бесполезно».

Американские торговцы философскими наркотиками могут предложить по сходной цене и более изысканные светские, а не религиозные формы схоластики,—например, вышедший из недр средневековья схоластический «реализм» Джорджа Сантаяны, утверждающего, что наибольшей реальностью обладает то, что не существует. Сантаяна проповедует презрение к нуждам и интересам народных масс, уход от борьбы за социальное преобразование мира.

Американские философы-идеалисты могут предложить и другой модный товар, вырабатываемый под руководством бывшего «Венского кружка», — ухудшенное издание средневекового номинализма под этикеткой «семантической философии», этой новейшей разновидности суб'ективного идеализма, предлагающей изучение вещей заменить схоластическим «анализом» слов. Эта псевдофилософия об'являет бессмысленными все основные категории научного мышления и рекомендует «устранить водораздел между наукой и безумием». Она провозглашает химерами прогресс, свободу, демократию, убеждает рабочих и колониальные народы, что капитализм и империализм — это не реальности, а пустые слова, лишенные всякого смысла.

Американские идеалисты предлагают на экспорт также и продукт своей национальной философской кухни — прагматизм, противопоставляющий об'ективной истине практическую выгоду. Не случайно родоначальник американского прагматизма Чарлз Пирс ныне посмертно поднимается на щит, и в Нью-Йорке учреждено в 1946 году философское общество его имени. Философская галиматья Пирса, соответствующая, по мнению американских реакционеров, «духу времени», также взята из арсенала средневековой схоластики, — она воспроизводит схоластическую доктрину Дунса Скотта.

Вполне себя проявила, как средство для засорения мозгов, и тошнотворная философская жвачка Джона Дьюи. Пропагандируемая им вариация прагматизма — «инструментализм» на протяжении многих лет служит в руках американских реакционеров инструментом для фальсификации философских и социологических идей и понятий.

Конечно, не все реакционные течения выступают в борьбе против научной философии и социального прогресса с открытым забралом. Наряду с откровенными мракобесами и мифологами, немало их единомышленников подвизается под маской псевдонаучности, блудливо подкапываясь под устои подлинно научного миропонимания. К таким течениям, наряду с упомянутыми выше прагматизмом и семантикой, относятся также «неореализм» и «критический реализм», изощряющиеся в фальсификации данных современного естествознания и психологии.

***

Разумеется, есть в США и прогрессивные мыслители. Среди них имеются люди, понявшие великую правду диалектического материализма (Селзам); есть люди, хотя и не ставшие на позиции марксизма, но добросовестно информирующие о нем (Соммервилл); есть и философы, которые ощупью, оступаясь, пробираются из дебрей идеалистической философии к материалистическому пониманию природы (Селларс). Прогрессивные мыслители в самих США разоблачают антинаучность и реакционность господствующей философии. Во всеоружии достижений подлинной науки, каждым своим открытием подтверждающей истинность и жизненность диалектического материализма, они бьют по мистике, фидеизму, лженаучности.

Влияние и господство в США идеалистической философии обратно пропорционально логической силе ее аргументации. Оно основывается не на опыте и разуме, а на поддержке идеализма господствующим классом, который питает реакционную философию всеми экономическими и политическими ресурсами, находящимися в его распоряжении, чтобы всячески усилить борьбу против прогрессивных идей, против подлинной науки, против материализма.

Для современных реакционных идеалистов дело не в том, как «опровергать» материализм. Важно его «опровергать» во что бы то ни стало, следуя правилу: «Клевещите, клевещите, что-нибудь да останется!» И материализм «опровергается» в США повсеместно и повседневно. Но тем не менее, из года в год поборникам реакции приходится снова и снова «опровергать» его.

Сила правды такова, что ее нельзя искоренить, она растет из жизни, из науки, из опыта социальной борьбы. Война, которую ведет против материализма реакционная философия, — это безнадежная война прошлого против грядущего, война старого, отжившего против нового, неодолимого.

Николай ТИХОНОВ

Ярость от бессилия

Есть крепкое выражение по отношению к тому, кто впал в необузданную, но бессильную ярость: сорвался с цепи.

Как нельзя более подходит оно сегодня к поведению мировых реакционеров и империалистов. Они, действительно, как будто сорвались с цепи, бросаясь на свои и чужие народы с пеной у рта, с яростными угрозами, с отчаянными воплями, истерически выбрасывая безумные лозунги, угрожая долларами, голодом, авианосцами, сверхбомбардировщиками, бактериологической войной и пресловутыми атомными бомбами.

Они как будто потеряли представление о трезвой действительности. Договоры, подписанные ими же, не имеют для них никакого значения; слова, обозначающие постоянные понятия, потеряли для них смысл. Жизнь и развитие народов, их свобода и самостоятельность презираются ими, как совсем недавно презирались фашистами, которых во всем демократическом мире признали врагами свободы и цивилизации.

Уже не различить, в чем разница между воплями лейбориста Эттли и главаря английских фашистов Мосли, между визгом прихвостня Шумахера и де Голля, между завываниями Бидо и всхлипами Франко. Но все эти голоса перекрывает истерический крик, несущийся из-за океана.

Человек среднего роста, с острым совиным профилем, на этот раз разразился истерикой не где-нибудь, а в официальном документе — в президентском послании об'единенному заседанию обеих палат американского конгресса. Он не пожалел красок и придал этому посланию самую страшную мрачность, чтобы мороз подрал по коже каждого гражданина Соединенных Штатов.

«Критическая обстановка в Европе... Советский Союз хочет захватить всю Европу... Критическое положение в мире... Итальянские выборы не будут такими, как мы хотим... Пять стран европейского сообщества наций подписывают в Брюсселе соглашение по вопросам экономического сотрудничества и общей обороны от агрессии... Мы находимся сейчас в таком положении, когда следует совершенно ясно провозгласить позицию Соединенных Штатов... В мировой истории бывают моменты, когда разумнее действовать, а не колебаться... Я рекомендую как можно быстрее принять закон о всеобщем военном обучении... Жизненно важно сохранить наши оккупационные войска в Германии до тех пор, пока в Европе не будет обеспечен мир... Международное положение является слишком критическим...»

И Гарри Трумэн, человек с совиным профилем, требует денег для покупки вассалов, для гонки вооружений.

Весь мир должен принять «доктрину Трумэна», уничтожить все демократические, прогрессивные организации, проверить благонадежность всех государственных служащих, ввести «план Маршалла», культ доллара и смириться перед могуществом Америки, как мирового повелителя.

Газеты пропитаны ядом этой истерии. Радио уносит отравленные волны в эфир.

Можно подумать, что это шабаш бесноватых. Европейский человек, вчера вылезший из развалин, должен почувствовать, что завтра и того, что уцелело, не останется. Американский человек должен почувствовать, что фашизм, против которого он боролся с оружием в руках, — лучшая форма правления на земле.

Но если присмотреться к тому, что происходит в мире сегодня, то станет ясно, что не от хорошей жизни звучит на всех заокеанских радиоволнах этот истерический вопль, который, сколько бы ни называть его «историческим» и какими бы громкими фразами его ни украшать, — никак не является признаком непобедимой силы, а говорит лишь о неуверенности вопящих, разоблачает слабость мирового империализма. Этот истошный вопль рассчитан на то, чтобы напугать, ошеломить всех, кого следует, а заодно подбодрить собственных единомышленников, ослабить их страх перед ростом самосознания народов, перед неуклонным желанием народов отстаивать собственную независимость, свободу и право жить так, как они хотят, избирать самим себе дорогу к будущему.

Народы не хотят войны, они ненавидят ее, они считают ее преступлением, а поджигателей войны — преступниками. Виселицы в Нюрнберге не исчезли из их памяти. Освенцим и Майданек — тоже. Народы прекрасно разбираются в том, что за истерия и каковы ее причины. Они чувствуют свою силу, как и бессильную ярость империалистов и реакционеров — и своих, и американских. Зловонные волны черной истерии не затемнят сознания простых людей. Слишком много пережили они и слишком большие жертвы принесли, и потому сейчас они не могут не видеть за всеми этими угрозами и посулами искаженное смертным испугом, знакомое лицо раз'яренного от ненависти торговца золотом и кровью.

Американский народ — не стадо баранов, он не побежит безропотно за черными козлами истерии в ту пропасть, куда его хотят увлечь. Он тоже понимает, что из него будут выколачивать эти миллиарды и отдадут молодые поколения на пушечное мясо, чтобы ценой их крови предпринять заранее обреченную на провал попытку купить мировое господство.

Страх овладел господами империалистами, и от этого страха они взвыли на весь мир! Почва колеблется у них под ногами, земля горит, и огонь прожигает их толстенные подошвы. Вот отчего они вопят и беснуются. Но не так-то просто развязать новую мировую войну. Не так-то просто заставить поверить в клевету и ложь все человечество.

Народы хорошо знают, помнят, чувствуют, что сделал Советский Союз для спасения человечества от мирового фашизма, от гибели и рабства. Советский Союз неуклонно разоблачал и разоблачает поджигателей третьей мировой войны, он продолжает стоять на страже мира и демократии.

Советский народ продолжает упорно и настойчиво бороться за мир во всем мире. Он говорит устами своих высоких представителей человеческие, искренние слова о правде, разоблачая грязную клевету и ложь и пригвождая к позорному столбу мировых спекулянтов, играющих на бедствиях, нищете и крови уставших от нечеловеческих страданий людей.

Истерические вопли Трумэна и К° выдали агрессоров с головой. Одновременно они выдали и их слабость, их страх. Американский империализм хочет повторить игру Гитлера. Он уже подбирает своих геббельсов и герингов, своих гиммлеров и риббентропов. Он подбирает квислингов и формирует эсэсовцев.

Этот шантаж не пройдет! Даже если к его истерическому вою прибавится вой всех маленьких и больших шакалов, гиен и волков капиталистического мира. Ибо мир жаждет человеческого слова о жизни, а не воя о новой бойне, о новых разрушениях и кровавых жертвах.

Лагерю империалистов противостоит фронт народов! Все демократические и патриотические силы об'единяются под знаменем борьбы за мир и демократию, против поджигателей войны.

На стороне единого и сплоченного фронта борцов за мир и демократию — правда и сила. Ему принадлежит будущее, за ним останется победа.

Лев СЛАВИН

Истерика, как бизнес

Милитаристская пропаганда стала в США новым видом индустрии. Это бизнес, на котором недурно зарабатывают поджигатели войны.

В Америке происходит своеобразная военизация гражданского руководства.

Известный американский журналист Роберт Аллен пишет в «Нью рипаблик»: «Доминирующей, направляющей силой в национальной политике как внутренней, так и внешней являются крепко сплоченные агрессивные и упорные элементы армии, флота и авиации...»

Высшие американские офицеры вкладывают в милитаристскую пропаганду весь свой боевой пыл, далеко не до конца истраченный на полях сражений, которые, впрочем, далеко не все из них видели.

Засилие реакционной американской военщины, однако, идет значительно дальше и глубже. Военщина располагается, «как дома», в области науки и научных исследований, она охватывает своими щупальцами колледжи и университеты, которые находятся в денежной зависимости от воротил из монополистических об'единений.

У лучших представителей американской науки это обстоятельство вызывает глубокое беспокойство. Не далее, как в январе 1948 года, виднейшие американские ученые опубликовали брошюру «Милитаризация Соединенных Штатов», где резко протестуют против того, что военные все больше подчиняют своему влиянию внешнюю политику, общественное мнение, систему просвещения и научно-исследовательские работы в США.

Густым косяком устремились генералы на Уолл-стрит. На службе в компании «Сирс Робак» можно обнаружить трех генералов: генерал-майора Франка, бригадного генерала Рида и генерал-майора Роберта Вуда, того самого, который запретил рабочим и служащим компании вступать в профсоюзы.

Во главе гигантской «Копперс компани» (кокс и химикалии), принадлежащей семье Меллонов, нетрудно обнаружить генерала Сомервелла, прославившегося во время войны не столько боевыми, сколько коммерческими подвигами. Он ведал тогда службой снабжения армии и завоевал прочные симпатии монополистов закупками у них материалов на десятки миллиардов долларов.

От сухопутных генералов не отстали и флотоводцы. Адмирал Моррил успешно причалил к крупнейшей сталелитейной компании, принадлежащей тем же Меллонам. «Трафальгаром» адмирала Хелси является его деятельность в принадлежащей Морганам «Либериан компани», добывающей какао и золото на западном побережье Африки.

Призыв генералов в руководство начинает тревожить даже бывалых конгрессменов. Карьеристы в пиджаках испугались конкуренции карьеристов в мундирах.

Тем не менее распределение постов между высшими офицерами продолжается в прежних темпах. Уолл-стрит принимает их с распростертыми об'ятиями. Ожидается, что эти закаленные вояки, резво улепетывавшие от немцев на арденнском фронте в 1944 году, ныне одержат решительные победы на фронте борьбы с профсоюзами при помощи «ультра-современного оружия» в виде закона Тафта—Хартли.

Свои агрессивные намерения военная клика пытается камуфлировать грубой антисоветской клеветой. Но все чаще и чаще перед расстроенным воображением клеветников — даже таких злостных, как модный закройщик антисоветских сплетен, обозреватель Уолтер Липпман, — всплывает мрачный образ кровавого неудачника Гитлера. Так порой посреди ночи просыпается прожженный плут от приступа страха, внезапно сжимающего его сердце тоскливым предчувствием. Повидимому, в одну из подобных минут Липпман разразился следующей тирадой, оттиснутой в журнале «Инфэнтри джорнэл»:

«Но прежде чем смеяться, вспомним Наполеона и Гитлера. Оба они напали на Россию, имея ультра-современное оружие своего времени, и у русских оказалось чем ответить на это оружие».

Своего апогея военная истерия достигает в последнем послании президента США конгрессу.

Этот образец красноречия г. Трумэна представляет собой поразительную смесь лжи и хвастовства. При этом ложь—из сорта самых грубых, и хвастовство—из сорта самых беззастенчивых.

Действительно, надо не иметь никакого стыда, чтобы, фактически располагая свои войска в Греции, Китае, Италии, обвинять СССР в агрессивных намерениях.

К чему ни прикасается г. Трумэн в своем ухарском обзоре международного положения, все дышит злонамеренным искажением истины. Героический греческий народ, борющийся за свою независимость, он оскорбительно обзывает «мятежниками». Победу чехословацкой демократии над реакционными заговорщиками он озлобленно характеризует, как «гибель чехословацкой республики». Свободную и успешную борьбу итальянского народа против фашиствующей реакции он искаженно представляет, как агрессивные действия коммунистического меньшинства.

Вся эта истерическая ложь понадобилась г. Трумэну для того, чтобы заявить конгрессу:

«Я рекомендую как можно быстрее принять закон о всеобщем воинском обучении».

Близится избирательная кампания в США. Вот почему нужно «как можно быстрее» отвлечь внимание американского народа пугалом коммунизма от провалов внешней правительственной политики США и от нарастающих там внутренних экономических трудностей.

Г-н Трумэн выдвигает и второе требование к конгрессу: о введении в США обязательной воинской повинности. Г-н Трумэн мечтает поставить американский народ под ружье. Сам американский народ об этом, повидимому, не мечтает, как неосторожно признается в том же послании президент: «...Вооруженные силы должны получить необходимые кадры. Они не смогли это сделать с помощью системы вербовки добровольцев...»

В то время, как г. Трумэн хлопочет о сплошной военизации своей страны, СССР заканчивает демобилизацию армии. Весь советский народ занят мирным созидательным трудом.

В то время, как военные расходы США возросли до 46 процентов бюджета на 1948 год, Советский Союз снизил свои военные расходы до 17 процентов общего бюджета.

В конце своего послания г. Трумэн вспоминает, что в традиции государственных мужей—произносить афоризмы. И не без натуги он рождает следующее изречение:

«Мы должны быть готовы заплатить за мир или мы бесспорно будем вынуждены платить за войну».

Слово «мы» употреблено здесь слишком распространительно.

За войну платит не президент США Трумэн и не те американские монополисты, агентом которых он является. И на войне, и на приготовлениях к ней они безмерно наживаются.

А платит за военную истерику и за военные авантюры разорением и кровью американский народ, тот самый народ, о котором другим президентом, Авраамом Линкольном, сказано было:

«Весь народ все время обманывать нельзя...»

Иностранная печать о послании Трумэна

ЕВРОПУ НЕЛЬЗЯ ПРЕВРАТИТЬ В КОЛОНИЮ

США возглавляют борьбу империалистических держав против развития демократии как в Европе, так и в других частях света. Речь идет теперь не о сохранении господства монополистического капитала в Европе, а о стремлении США превратить Европу в свою колонию. Однако каждому человеку, понимающему законы истории, ясно, что объединение и восстановление Европы должно происходить на базе народной демократии и в союзе с Советским Союзом.

(Финская газета «Вапаа сана»).

«УЧЕНИК ГАНГСТЕРА» УГРОЖАЕТ

«План Маршалла» и шантаж отказом в помощи оказались не в силах подчинить Европу и заставить капитулировать народные массы. Укрепление режимов новой демократии создает угрозу для империалистического капитализма. Провал провозглашенной год назад «доктрины Трумэна» заставляет теперь «ученика гангстера Пендергаста» делать ставку на открытое насилие, на угрозу оружием, на истребление и войну.

(Итальянская газета «Унита»).

ГОЛОС ГИТЛЕРА

Трумэн снял с себя маску, и за этой маской открылась во всей уродливости и цинизме бесчеловечная жажда власти долларового империализма.

Венгры хорошо знакомы с этим голосом, голосом Трумэна и других империалистов, ибо в свое время им приходилось много раз слушать истерические выступления Гитлера. Трумэн находит более мудрым действовать, чем колебаться. Это циничное заявление выдает его с головой. Очевидно, Америка думает исключительно о военном разрешении проблем, надеясь, что европейцы станут ее пятой колонной. Как будто мы слышим голос Гитлера...

(Венгерская газета «Непсава»).

ПРОВОКАЦИОННОЕ И АГРЕССИВНОЕ ПОСЛАНИЕ

...Что касается Советского Союза, то это послание является провокационным и агрессивным. Оно составлено в выражениях, которые безусловно должны возбудить негодование.

(Американская республиканская газета «Сан»)

НЕУМЕЛЫЙ И НЕКОМПЕТЕНТНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Никогда еще страна не имела такого неумелого и некомпетентного президента...

(Американская газета «Чикаго трибюн»)

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

Гарри Трумэн — истерический барабанщик войны

М. РУБИНШТЕЙН

Научный дурман

Американский «Ежегодник науки за 1947 год» наряду с продолжающейся рекламой военных «достижений» науки и техники в США содержит специальную главу о бактериологической войне, написанную Сиднеем Шэлет.

Эта глава, как и весь сборник, может служить характерной иллюстрацией к заявлению товарища А. Я. Вышинского, сделанному им на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи организации Об'единенных наций 18 сентября 1947 года: «Когда читаешь всю эту так называемую научную литературу, то чувствуешь, какая сатанинская энергия развивается поджигателями и пропагандистами новой войны, чтобы создать соответствующую атмосферу, дурманящую сознание людей военным угаром».

Как и многие другие поджигатели войны, Сидней Шэлет начинает свою главу с описания бактериологического нападения воображаемого врага на Соединенные Штаты в декабре 1958 года. Показательно, что первая глава того же «Ежегодника науки», посвященная атомной бомбе, содержит почти аналогичное описание «атомного нападения на Нью-Йорк», основанное на материалах генерала Томаса Фаррела, руководившего подготовкой к сбрасыванию атомных бомб на Японию.

Поджигатели войны в США действуют, таким образом, по довольно нехитрому рецепту—они кричат о необходимости новой войны, «мотивируя» свое требование наличием опасности, якобы угрожающей Соединенным Штатам. А. Я. Вышинский по этому поводу метко заметил: «Поистине, как говорит русская пословица: «Сам дерет и сам же орет»!

Но вернемся к «научным предвидениям» проповедников бактериологической войны. Они спешат уверить читателя, что третья мировая война начнется совершенно иначе, чем даже предсказывают американские военные авторитеты, твердящие о том, что первый удар будет нанесен атомными бомбами.

Все это «паническое вступление», сработанное в стиле самых бульварных фантастических романов, понадобилось «Ежегоднику науки» только для того, чтобы запугать легковерных американских читателей и попытаться оправдать и даже представить в качестве неизбежной необходимости и «патриотического долга» запрещенную международными соглашениями подготовку бактериологической, или, как ее называют в Америке, биологической войны. Эта подготовка распоясавшихся поджигателей войны проводится в Америке совершенно открыто.

Правда, в военных кругах США идет сейчас своеобразная словесная борьба разных течений и «школ» по вопросу о целесообразности бактериологической войны. Некоторые представители этих кругов считают, что бактериологическая война является «слишком дешевой», поскольку она не обеспечивает значительного развития военной промышленности и достаточных прибылей капиталистическим монополиям. Эти соображения прикрашиваются для внешнего мира всякого рода притворными ламентациями о бесчеловечности такого рода методов войны. В ответ на эти заявления влиятельная группа военных, возглавляемая начальником военно-химического корпуса американской армии генерал-майором Альден Уэйт, развивает бешеную пропагандистскую кампанию, в которой прославляет эффективность бактериологической и даже болтает об ее «гуманности».

Независимо от хода этой «дискуссии», работы по подготовке биологической войны развертываются в США в широких масштабах, и на них затрачиваются ежегодно десятки миллионов долларов.

«Ежегодник науки» сообщает также некоторые данные о самой постановке организации исследований в области биологической войны в США. Этими работами руководит организованный в 1944 году «Отдел специальных проблем» военно-химической службы американской армии. Основной исследовательский центр и опытный завод расположены в лагере Детрик, в штате Мэрилэнд. В городе Виго (штат Индиана) создан завод, предназначенный для производства болезнетворных возбудителей в крупных масштабах. На острове Хорн в штате Миссисипи, а также в одном из пунктов штата Юта расположены полевые испытательные станции.

В послевоенный период научные исследования в области подготовки бактериологической войны не только не сворачиваются, но, наоборот, еще более расширяются. Начальник военно-химической службы американской армии генерал Уэйт систематически выступает с заявлениями о том, что он считает «потенциальные возможности биологической войны значительно превосходящими «ортодоксальные» отравляющие вещества». В ответ на замечание корреспондентов о бесчеловечности бактериологической войны этот людоед в генеральских погонах сердито ответил: «Нелепо говорить об ужасах газовой и биологической войн и затем прославлять атомную войну. Это непоследовательно и не умно. Я не признаю всех этих разговоров о гуманности или не гуманности того или иного оружия... Я верю, что биологическая война является практически применимой формой войны, имеющей большие потенциальные возможности. Этого достаточно, чтобы мы ею не пренебрегали».

Вместе с тем следует подчеркнуть: несмотря на солидные материальные затраты и проведение научной работы в довольно больших масштабах, действительное военное значение американских практических «достижений» в области бактериологической войны является крайне сомнительным и спорным. В самой информации об этих «достижениях» сознательно допускаются огромные преувеличения, типично американская кричащая реклама и прямой шантаж.

Основное назначение всех этих откровенных, дезориентирующих и сенсационных сообщений заключается в непрерывном усилении атмосферы военного психоза, в стремлении одурманить сознание миллионов американцев воплями о якобы угрожающей им опасности и в поддержании желанных для капиталистических монополий военной кон'юнктуры и военного угара. С этой же целью официальные представители военного министерства и других органов, так же как и отдельные ученые-выродки, позволяют себе в статьях и публичных заявлениях открыто оправдывать и поддерживать подготовку бактериологической войны под флагом проведения «научных исследований».

Вся прогрессивная общественность мира, все честные люди, которым действительно дороги интересы человечества, должны пригвоздить к позорному столбу американских ученых-отравителей и их милитаристских хозяев, во что бы то ни стало стремящихся использовать могучие силы науки для разжигания новой мировой войны.

Американский министр Бидо

Жорж Бидо, французский министр американских дел, выделяется среди лакеев Уолл-стрита особым усердием и услужливостью. Порой усердие у него даже превозмогает рассудок.

Именно это и произошло с Жоржем Бидо. Выступая во французском Национальном собрании, он произнес следующую, полную воинственного бахвальства и антисоветского злопыхательства, тираду:

«... Надо создать Европу! Она будет простираться до Урала. Она будет проникнута христианским духом!..

Слова, под которыми готов расписаться любой из самых оголтелых поджигателей войны.

«Создать Европу до Урала!..» Мы уже слышали такие призывы — их произносил, об этом мечтал Гитлер. И вот Бидо делает попытку вновь пустить в политический оборот этот проклятый всеми честными людьми «лозунг». Впрочем, нельзя отказать в данном случае г. Жоржу Бидо в откровенности: он раскрыл «тайну» американского империализма. Он подчеркнул ту незримую связь, которая существует между «планом» Маршалла и «планами» повешенного Риббентропа.

Знакомы нам и намеки на «христианский дух». Иначе говоря, — дух римско-католический. Еще семьсот лет назад немецкие псы-рыцари обрушились на нашу землю под предлогом насаждения этого самого «христианского духа». Совсем свежи воспоминания у нас об иезуитах, которых гитлеровские орды привезли с собой, чтобы навязать все тот же «христианский дух» населению временно оккупированных территорий СССР. Сказанного достаточно.

На том же заседании французского парламента Бидо заявил: «Я не желаю ни от кого выслушивать наставлений!..» Эта пышная фраза звучит особенно пикантно в устах политика, который только и делает, что судорожно ловит наставления из-за океана, боясь при этом пропустить хотя бы одно слово.

В. ВОЛОДИН.

«Избранник божий»

Папа заявил, что голосование за де Гаспери есть голосование за бога.

В Ватикане — день тревожный,
Надрывается орган...
Папа Пий — наместник божий
Сам встречает прихожан.
Раскрывает папа Римский
Мановением руки —
Избирательные списки
Вместо «чтенья от Луки».
На основах демократии
Католический прелат
Возглашает: «Внемлем, братья,
Кто есть божий кандидат?
Я сужу, по крайней мере
Без особенных затей,
Что от бога — де Гаспери,
А Тольятти — от чертей!
Мне недавно ноне утром
Было знаменье вдали.
Что в Неаполе как будто
Появились корабли...
Так же мне в моей молельне
Было ноне у дверей —
Чудотворное явленье
Полицейских патрулей!..
Два полка морской пехоты
В довершенье прочих благ...
Это божьи заботы
О предвыборных делах!
Есть приметы, будто ноне
Бог покинул свой чертог...
Не в раю, а в Вашингтоне
Восседает ноне бог!
Рядом с богом в чине старшем,
Опершись о копие,
Боевой архангел Маршалл
Страшным гласом вопие...
Он сулит такие страсти,
Что, не веря копию,
Режет долларом на части
Вольномыслия змею!
А за верное служенье
Шлет для нас — людей святых —
Бог свое изображенье
На монетах золотых!
Тот, кто хочет, чтобы двери
Перед ним открылись в рай,
Не колеблясь, де Гаспери
В президенты выбирай!»
. . . .
. . . .
В Ватикане — день тревожный,
Возвещает папин глас:
— Не свободные, но божьи
Будут выборы у нас!

Влад. СОЛОВЬЕВ.

Факты без комментариев

ОХОТНИК ЗА СКАЛЬПАМИ

Как сообщает газета «Чикаго сан энд таймс», в американской печати появилась заметка, в которой черным по белому было написано: «Пользующийся мировой известностью специалист по болезням мозга предложил верный способ избавить мир от коммунистов. Он заявил, что нужно делать отверстия в их головах, но не пулей, а с помощью хирургического ножа».

По мнению автора заметки, коммунисты и «либералы», подвергшиеся этой операции (лоботомии), сразу же превратятся в людей с консервативными политическими взглядами и будут отличаться потерей инициативы, понижением умственных способностей и равнодушным складом ума.

«СВОЕВРЕМЕННЫЕ» ВЫСТРЕЛЫ

Некий У. Дж. Браун, член английского парламента, журналист и радиокомментатор, наглядно доказывает на страницах журнала «Тайм энд тайд», что Ганди убит «вполне своевременно», ибо ему «нечего было больше делать». Стало быть, по его мнению, был убит террористом и Линкольн: «Гражданская война закончилась, рабство было уничтожено... и благое милосердие предоставило ему покой» (!). Что касается Кромвеля и Наполеона, то им, по мнению Брауна, «следовало умереть гораздо раньше».

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни и отдел писем — К 4-60-02, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 1-18-94, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01172.